

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1987

1

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1987

1

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР
И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР Қ. И. ЛАПКИН,
акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА (*зам. главного ре-
дактора*), акад. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, чл.-кор. АН
УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, чл.-кор. АН УзССР
Р. Х. АМИНОВА, чл.-кор. АН УзССР А. А. АСКАРОВ,
чл.-кор. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР
Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН
УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙ-
РУЛЛАЕВ, чл.-кор. АН УзССР А. Х. ХИКМАТОВ, доктор
филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУ-
НИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук
Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр. наук Х. Р. РАХМАНКУ-
ЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИДОВ, доктор филос.
наук Т. С. САИДБАЕВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1987 г.

...Пленум подчеркивает, что условием ускорения социально-экономического развития страны являются все более полное раскрытие и использование огромных возможностей социализма как нового общественного строя, совершенствование его экономических основ, всестороннее развертывание социалистического демократизма, углубление самоуправления народа. На этой основе только и могут по-настоящему получить размах живое творчество трудящихся масс, их реальное участие в решении всех вопросов жизни общества, в полную силу проявлять себя человеческий фактор...

Пленум Центрального Комитета КПСС выражает твердую уверенность в том, что преобразования в экономической, социальной и духовной сферах советского общества будут нарастать и углубляться. Залогом тому являются горячая поддержка коммунистами, всем советским народом ленинской внутренней и внешней политики партии, начавшейся перестройки, широко развернувшееся патриотическое движение за успешное выполнение планов на двенадцатую пятилетку, за достойную встречу 70-летия Великого Октября.

*Из постановления январского
(1987) Пленума ЦК КПСС*

...Исходя из того, что ускоренное развитие техники и технологии требует нарастающего пополнения арсенала фундаментальных научных идей и прикладных разработок, резкого поворота науки к нуждам народного хозяйства, Пленум считает весьма важным повысить отдачу кадров академической, отраслевой и вузовской науки в осуществлении задач, связанных со всесторонней интенсификацией производства, повышением эффективности экономики, усилить интеграцию науки с производством. Больше проявлять внимания к работе научно-производственных объединений и межотраслевых научно-технических комплексов. Принять неотложные меры по совершенствованию подготовки научных кадров, пополнению их состава способной молодежью, созданию условий для плодотворной работы ученых, повышению технической вооруженности науки, укреплению ее экспериментальной базы.

...Ответственные задачи возлагаются на идеологических работников, призванных нести идеи, политику партии в массы, вооружать их пониманием исторической необходимости перестройки, помогать каждому человеку находить свое место в общенародной борьбе за ускорение.

*Из постановления январского
(1987) Пленума ЦК КПСС*

ОТ РЕДАКЦИИ

Советский народ вступил в новый, 1987 год. Как подчеркнул на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, «этот год для нас по-особому знаменательный — год 70-летия Октября. Предстоящий юбилей советские люди встречают в обстановке глубокой перестройки всех сфер общества ...1987 году отведена важнейшая роль в реализации стратегического курса партии на ускорение. От того, как мы сработаем, будет зависеть успех всей пятилетки, наших важнейших начинаний и выполнения перспективных планов»¹. На решение этих актуальнейших задач и нацелил Пленум нашу партию, весь советский народ.

Все это выдвигает качественно новые требования перед деятелями общественных наук. В исторических документах XXVII съезда КПСС, материалах Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук, постановлении ЦК КПСС «О журнале «Коммунист» настойчиво подчеркивается роль общественных наук в практической реализации взятого партией курса на коренную перестройку и всемерное ускорение социально-экономического развития страны в целях всестороннего совершенствования и обновления социалистического общества на базе широкого развития научно-технического прогресса и максимального повышения роли человеческого фактора.

Конкретные задачи, роль и место в этой всенародной борьбе десяти тысячного отряда обществоведов нашей республики четко определены в документах XXI съезда Компартии Узбекистана, III пленума ЦК КПУз, общего собрания АН УзССР (10 ноября 1986 г.)², Республиканского совещания «О задачах по выполнению рекомендаций Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук» (17 января 1987 г.)³. В этих важнейших документах всесторонне охарактеризовано состояние общественных наук в республике, вскрыты серьезные недостатки и упущения в работе ученых-обществоведов, намечены конкретные пути их решительного устранения, определены коренные задачи развертывания плодотворных, тесно связанных с запросами практики исследований по всем актуальным проблемам общественных наук.

Принципиальной критике были подвергнуты и недостатки в работе журнала «Общественные науки в Узбекистане». Редколлегия журнала, внимательно изучив и обсудив высказанные в его адрес крити-

¹ Правда. 1987. 28 янв.

² Правда Востока. 1986. 12 нояб.; *Общественные науки в Узбекистане*. 1986. № 11. С. 3—13.

³ Правда Востока. 1987. 18 янв.

ческие замечания, наметила конкретные меры по перестройке своей работы на основе усиления требовательности к идейно-теоретическому, научному уровню публикуемых материалов; расширения тематики освещаемых в журнале проблем, прежде всего по актуальным вопросам социально-экономического и культурного развития республики; укрепления связей с научными коллективами, особенно с кафедрами вузов, и т. д.

Решено организовать на страницах журнала в 1987 г. дискуссии ученых-обществоведов по проблемам: «Диалектика развития производительных сил и производственных отношений развивающегося социализма», «Проблемы экологии Арала и социально-экономического развития Приаралья», «Методологические вопросы изучения культурного наследия прошлого», «Роль прогрессивных традиций и обрядов в коммунистическом воспитании трудящихся», а также по истории национально-освободительного движения народов Узбекистана.

В журнале будет освещаться ход подготовки и общественного обсуждения макетов нового, 8-томного издания «Истории Узбекской ССР» с публикацией ряда статей по наиболее сложным, спорным вопросам. Расширится публикация статей по проблемам атеистического воспитания масс, особенно молодежи. Серией статей будут отмечены 60-летие «Худжума», 70-летие Великого Октября и другие памятные даты. Ведущим специалистам поручено выступать с рецензиями на вновь вышедшие труды обществоведов республики. Начато проведение читательских конференций. Высказанные на них замечания и пожелания будут изучены и учтены в целях улучшения работы журнала.

В порядке осуществления намеченных мероприятий в данном номере журнала публикуются первые дискуссионные статьи. Мы надеемся, что они вызовут живой отклик ученых-обществоведов республики, что будет способствовать глубокому изучению и правильному решению поднимаемых в них проблем с позиций марксистско-ленинской методологии.

И. И. ИСКАНДЕРОВ

О ДИАЛЕКТИКЕ СООТВЕТСТВИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ УРОВНЮ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ

«Анатомию гражданского общества следует искать в политической экономике».

К. Маркс

На современном этапе коммунистического строительства наша страна вступила в ответственный период перестройки и ускорения социально-экономического развития общества в целях всестороннего совершенствования социализма на основе широкого внедрения достижений научно-технического прогресса и всемерной активизации человеческого фактора, что еще раз подчеркнуто в решениях январского Пленума ЦК КПСС.

В этой связи перед нашими общественными науками встают новые неотложные проблемы. Важнейшие из них четко определены в документах XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС, материалах Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук, постановлении ЦК КПСС «О журнале «Коммунист».

В новой редакции Программы КПСС указывается, что «внимание обществоведов следует сосредоточить на изучении и всестороннем анализе опыта мирового развития, создания нового общества в СССР, в других социалистических странах, диалектики производительных сил и производственных отношений, материальной и духовной сфер в условиях социализма, закономерностей становления коммунистической формации, путей и средств постепенного продвижения к ее высшей фазе. Научный анализ объективных противоречий социалистического общества, выработка обоснованных рекомендаций по их разрешению, надежных экономических и социальных прогнозов — неотложная задача общественных наук на современном этапе развития»¹.

Январский (1987) Пленум ЦК КПСС в своем постановлении особо подчеркнул необходимость усиления «внимания к развитию теоретической мысли, исследованию диалектики движущих сил и противоречий развивающегося социализма».

На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук М. С. Горбачев, высоко оценив роль экономической науки, указал, что «партия рассчитывает на возрастающий вклад экономической науки в нашу борьбу за развитие производительных сил, применение авангардных технологий, качественное совершенствование производственных отношений, изучение форм хозяйствования и управления»².

Необходимо отметить, что классики марксизма-ленинизма усматривали в производственных отношениях воплощение всей совокупности общественных отношений. «Производственные отношения, — писал К. Маркс, — в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития...»³

«Чтобы производить, — говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, — люди вступают в определенные связи и отношения, и только в рамках этих общественных связей и отношений существует их воздействие на природу, имеет место производство»⁴.

Совокупность этих производственных отношений и составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается политическая и юридическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Отсюда понятно, что поставленная партией задача — обеспечить всесторонний прогресс советского общества на путях ускорения социально-экономического развития страны — нацелена на качественное преобразование всех сторон жизни общества, коренное обновление его материально-технической базы; совершенствование общественных отношений, в первую очередь экономических; глубокие перемены в содержании и характере труда, материальных и духовных условиях жизни людей; активизацию всей системы политических, общественных и идеологических институтов; повышение роли человеческого фактора.

Эти преобразования опираются в первую очередь на высокоорганизованную трудовую деятельность членов общества. Как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образова-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 168.

² Правда. 1986. 2 окт.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 3. С. 203.

⁴ Там же. С. 202.

ние, представление, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением их материальных действий»⁵.

Известно, что в результате динамичного, революционного развития производительных сил непрерывно возникают неантагонистические противоречия между производительными силами и производственными отношениями, преодоление которых осуществляется проведением конкретных практических мероприятий, направленных на совершенствование производственных отношений с заменой их устаревших форм новыми. Следовательно, задача состоит не только в том, чтобы обнаружить, зафиксировать наличие имеющихся противоречий и определить методы их разрешения, но и заблаговременно наметить научно обоснованные меры, принятие которых предотвратит возникновение возможных негативных явлений в экономическом и социальном развитии. Ярким примером тому могут служить несовершенства, выявившиеся в экономических отношениях в хлопковом комплексе Узбекистана. Как известно, здесь, особенно в системе хлопкозаготовок и хлопкоочистительной промышленности, была раскрыта организованная система крупномасштабного хищения государственных средств, искажения учета и отчетности, наносивших огромный материальный и моральный ущерб.

Между тем ученые АН УзССР еще свыше четверти века назад сделали научно обоснованные выводы о возможности возникновения таких опасных негативных тенденций при существующей незрелой системе экономических отношений хлопковых хозяйств с хлопкоочистительной промышленностью через заготовительные организации. К сожалению, эти выводы до самого последнего времени оставались без всякого внимания органами государственного управления. Учеными-экономистами была обоснована социально-экономическая эффективность передачи функций заготовки, хранения, сушки и очистки хлопка непосредственно хлопкосеющим хозяйствам, с оставлением переработки его за хлопкоочистительной промышленностью. Это сразу решило бы крупную двуединую задачу: повышение ответственности хозяйств за плановое производство высококачественной продукции и исключение корней негативных явлений, не говоря уже о ряде других экономических и нравственных преимуществ. Но в то время узковедомственные интересы и барьеры явно взяли верх. И только благодаря вмешательству и поддержке ЦК Компартии Узбекистана данная разработка сдвинута с «мертвой точки» и получила путевку в жизнь. XXI съезд Компартии Узбекистана и последующие пленумы ЦК КПУз твердо указали на необходимость безотлагательной реализации этой важной программы.

Однако необходимо отметить, что практическая реализация указанной программы и сейчас еще осуществляется инертно и порой тенденциозно. Пока шло ее «обсуждение», «растолкование» с передачей на рассмотрение из одной инстанции в другую по бюрократическим лабиринтам Госагропрома УзССР, для создания «Положений», «Инструкций», организации «эксперимента» в некоторых хозяйствах и т. п., было упущено дорогое время для осуществления самого эксперимента уже с 1986 г. Здесь уместно вспомнить гневные слова В. И. Ленина о том, что «ничто не характеризует столь наглядно наличие болячек в нашем аппарате, особенно верхушечном, и бюрократических, и интеллигентских болячек... к этой резолюции (X съезда

⁵ Там же. Т. 2. С. 19.

РКП(б) по ГОЭЛРО.— И. И.), как попытки «истолковать» ее вкривь и вкось вплоть до того, чтобы отговориться от нее»⁶.

Между тем нынешняя система экономических отношений в рассматриваемой сфере, сложившаяся в начале 60-х годов, прошла достаточное испытание жизнью, практикой, и, как показали события последних лет, она себя полностью скомпрометировала. Стало быть, ясно, что затягивание решения назревших проблем мешает коренной перестройке, грозит нарастанием негативных явлений, которые могут обострить без того трудное положение в хлопковом комплексе. В этих условиях отдельные предприимчивые хозяйства стали строить собственные хлопковые сушильно-очистительные цехи и достигли при этом внушительных успехов. Так, построенный в колхозе им. Ким Пен Хва Ташкентской области цех буквально за несколько месяцев дал высокий экономический эффект (в 1986 г. — 160 тыс. руб.), что полностью покрыло произведенные капитальные вложения и высвободило 150 колхозников от трудоемкой работы на ворохоочистителях в ночное время, поскольку эти операции осуществляются теперь исключительно сушильно-очистительным цехом.

Как видно, действующие формы экономических связей сельского хозяйства и промышленности через заготовительные системы по многим видам сельхозпродукции, особенно хлопка, становятся тормозом на пути полной реализации преимуществ общественного производства в сельском хозяйстве.

За последние годы в производительных силах в сельском хозяйстве произошли большие преобразования, а форма организации заготовок сохранилась в первоначальном виде. В результате возникло неантагонистическое противоречие между производителями и потребителями, между соответствующими формами организации и управления системой заготовок и требованиями интенсификации в сельском хозяйстве, что породило известную незаинтересованность тружеников сельского хозяйства в конечных народнохозяйственных результатах своего труда и другие негативные явления.

В Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года подчеркнуто: «Активнее развивать прямые связи колхозов и совхозов с предприятиями перерабатывающей промышленности, торговли и общественного питания»⁷. Руководствуясь этими положениями, следует оптимально решить весь комплекс вопросов, связанных с передачей функций заготовки и хранения, сушки и очистки хлопка непосредственно сельскому хозяйству, а его переработку оставить за хлопкоочистительной промышленностью. В этом случае будет обеспечена двухзвенная система управления вместо трехзвенной. Это, на наш взгляд, повысит заинтересованность и ответственность сельского хозяйства и промышленности за конечные результаты производства и переработки сельхозпродуктов, особенно хлопка.

Сложившаяся в 60-е годы форма заготовок не стимулирует хозяйства на изыскание внутренних резервов повышения качества хлопка и сохранности его природных свойств, а в условиях требования «план любой ценой» руководители экономически заинтересованы в быстрой сдаче сырца, несмотря на его повышенную влажность и засоренность. В результате же этого объемы перевозки сверхнорма-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 343.

⁷ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 296—297.

тивного сора и влаги составляют по республике до 0,5 млн. т и ежегодно обходятся государству в 20 млн. руб.

Принятые за последние годы решительные меры по совершенствованию форм управления, системы взаиморасчетов по выходу волокна оказали положительное влияние на все стороны деятельности хозяйств и хлопкозаводов. Так, в 1985 г. выход волокна значительно увеличился и превысил 30%. Из меньшего по сравнению с 1983 г. объема хлопка-сырца выработано 1647 тыс. т волокна. Тем не менее еще не устранен ряд противоречий и возникли новые в экономических отношениях между хозяйствами и заводами. В частности, при существующих экономических взаимоотношениях деятельность хозяйств оценивается по выходу хлопка-волокна без дифференциации его по промышленным сортам после переработки всего сданного хлопка-сырца отчетного года.

Поскольку сразу нельзя определить выход волокна из сданного хлопка-сырца, то 10% стоимости хлопка недоплачивается заготовительными органами в качестве «залога», и эта неоплаченная часть кредитруется с удержанием процента за кредит Госбанком. При соблюдении планового выхода после переработки всего объема хлопка она полностью возвращается хлопкосеющим хозяйствам. Если плановый выход не обеспечен, то возвращается лишь 50% этой суммы, а остальная идет на возмещение убытков хлопкоочистительных заводов. Если же план выхода превышен, то хозяйства получают дополнительно 80% суммы от сверхпланового выхода, а хлопкоочистительные заводы — 20%.

Такой порядок взаиморасчетов, бесспорно, стимулирует как хозяйства, так и хлопкозаводы на увеличение выхода хлопка-волокна. Однако он породил и ряд существенных бюрократических противоречий: во-первых, он поставил хозяйства в зависимость от заготовительных органов до окончания переработки всего сданного хлопка (как минимум в первой половине следующего года), отвлекая тем самым их внимание от текущих и перспективных хозяйственных дел. Во-вторых, снизилась роль инициативных экономических методов руководства из-за неопределенности конечных экономических результатов деятельности хозяйств в текущем году. В-третьих, возникли новые затраты, связанные с выплатой процентов за кредит, полученный на недоплаченную стоимость хлопка, и с невозвращением удержанных сумм ввиду «недовыхода», при порой трудно определяемой степени виновности сторон. Указанные суммы служат хлопкозаводам «резервом» для регулирования устойчивости их финансового положения, а для хозяйств они означают прямые убытки. Так, в совхозе им. В. И. Ленина Ленинольского района Сурхандарьинской области по урожаю 1985 г. эти потери составили 2,9 млн. руб.

Все это требует новых подходов в объективных экономических отношениях и соответственно в мышлении, в установлении более совершенной методики взаиморасчетов между хозяйствами, отвечающей указаниям республиканского партийного актива «Итоги июньского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС и задачи республиканской партийной организации по выполнению его решений», где говорилось, что «в хлопкоочистительной отрасли задача состоит в том, чтобы каждое хозяйство, как правило, имело свой заготовительный пункт с сушильно-очистным оборудованием... все эти проблемы надо решать сейчас, сегодня». В связи с объединением министерств сельского хозяйства и хлопкоочистительной промышленности республики в единую систему сложились объективные экономические и организационные предпосыл-

ки для решения этих задач. А создание Государственного агропромышленного комплекса СССР, несомненно, ускорит данный процесс на местах.

Так на деле проявляются диалектика соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил и возникающие в процессе их взаимодействия противоречия.

Учитывая значимость этих проблем, XXVII съезд КПСС со всей остротой поставил конкретную задачу совершенствования производственных отношений, чтобы привести их в соответствие с изменившимся уровнем и характером производительных сил.

В свете этих требований особо возросла роль общественных наук, прежде всего экономической науки, в решении задач по переводу производительных сил и производственных отношений в качественно новое состояние. Как сказано в новой редакции Программы КПСС, «должен быть обеспечен переход к экономике высшей организации и эффективности со всесторонне развитыми производительными силами и производственными отношениями, хорошо отлаженным хозяйственным механизмом»⁸.

Вся деятельность Коммунистической партии и Советского государства базируется на марксистско-ленинской теории. Она выступает и как методологическая основа, определяющая подлинно научный подход к новым явлениям в экономической жизни страны. В. И. Ленин всегда подчеркивал, что экономическая теория является учением развивающимся, черпающим свои силы из общественной практики. Вследствие этого познание закономерностей развития общества опирается на глубокий анализ общественно-экономических процессов и явлений, их конкретное изучение и осмысление с выходом на решение практических задач.

В силу этого в центре внимания экономической науки находится исследование фундаментальных проблем экономики социализма, критериев и путей обновления материально-технической базы общества, проблем ускорения научно-технического прогресса, интенсификации и повышения эффективности общественного производства. Нынешнее поступательное движение социалистической экономики, возрастание ее масштабов и сложности делают особенно актуальной и важной задачу более полного познания и использования экономических законов социализма. В контексте этих проблем усиливается значимость исследования вопросов совершенствования производственных отношений в условиях ускорения социально-экономического развития страны, включая:

дальнейшее совершенствование отношений социалистической собственности, заключающееся в основном в выявлении и реализации путей сближения, а в перспективе и слияния общенародной собственности с колхозно-кооперативной, что ведет к развитию и выходу на новый уровень хозяйственных форм организации и технико-экономических отношений социалистического производства;

создание новых условий и форм для комплексной и своевременной ориентации отношений распределения на конечные народнохозяйственные результаты, что позволит значительно повысить эффективность общественного производства, ускорить НТП и рост производительности труда, улучшить качество продукции;

усовершенствование коллективистских начал социалистического производства путем роста социально-экономической активности масс,

⁸ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 141.

более широкого и действенного участия трудящихся, трудовых коллективов в управлении производством, развития новых форм организации социалистического соревнования, нацеленных на повышение качества продукции, улучшение использования производственных мощностей, сырья, энергии, рабочего времени;

обеспечение неуклонного роста благосостояния народа путем интенсивного использования хозяйственного механизма в направлении обеспечения единства общественных, коллективных и личных интересов.

Особая роль в совершенствовании производственных отношений принадлежит хозяйственному механизму как системе управления народным хозяйством, посредством которой реализуются требования объективных экономических законов социализма, обеспечивается решение задач коммунистического строительства.

Основу производственных отношений при социализме образует, как известно, общественная собственность на средства производства, существующая в двух формах: общенародной (государственной) и колхозно-кооперативной, при ведущей роли первой.

Закономерный для всех этапов социализма процесс усиления роли общенародной собственности в современных условиях осуществляется при более полном и активном использовании всех возможностей колхозно-кооперативной собственности, при ее сближении, а в перспективе — и слиянии с государственной. Значение кооперации с новой силой подчеркнуто М. С. Горбачевым на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС.

Процесс сближения, а затем и слияния двух форм социалистической собственности по своей социально-экономической сущности сводится к ликвидации различий в уровнях развития производительных сил промышленности и сельского хозяйства, завершению индустриализации сельского хозяйства, превращению сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального и вызываемому этим повышению уровня обобществления производства в кооперативных хозяйствах до общенародного уровня.

Основные направления этих процессов, как показывает практика, — развитие агропромышленной интеграции, межколхозных и колхозно-совхозных объединений, укрепление агропромышленного комплекса и т. д.

Как указано на XXVII съезде КПСС, новые животрепещущие задачи социально-экономического развития нельзя решать на основе старых методов использования хозяйственного механизма.

Следовательно, в серьезной перестройке нуждается система управления и методов хозяйствования. Требуется дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений. Все это, взятое в неразрывном единстве, составляет содержание нынешней экономической политики партии. В соответствии с этим необходимо осуществить перестройку методов хозяйственного механизма с тем, чтобы они полностью отвечали интересам ускорения социально-экономического развития и открывали простор для беспрепятственного и интенсивного развития производительных сил общества.

Как указал К. Маркс, «сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями»⁹. В этом отношении открывается большой простор в сознательных дей-

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. соч. Т. 4. С. 138.

ствиях людей по изменению существующих стиля и методов руководства, управления экономикой, повышению его эффективности.

В этом плане, как отмечено в партийных документах, необходимо своевременно изменить направленность хозяйственного механизма, преодолеть его затратный характер, нацелить на повышение качества и эффективности, ускорение научно-технического прогресса.

Между тем на пути реализации этих установок в действующих хозяйственных механизмах неоправданно заложена высокзатратная политика. Так, в связи с планомерным ускорением развития сельскохозяйственных отраслей машиностроения на основе старой техники и технологии, в свою очередь, закономерно растет фондоемкость в отраслях сельского хозяйства, приводящая в конечном счете к снижению фондоотдачи. Ведь выпускаемая сельскохозяйственная техника, в соответствии с планом поставок, полностью должна потребляться сельскохозяйственными предприятиями, даже если, как это зачастую бывает, она в сущности оказывается излишней, ненужной.

Это объясняется тем, что при сложившейся структуре сельскохозяйственных отраслей машиностроения республики они специализированы главным образом на производстве навесных тракторов, более металлоемких и, соответственно, более дорогих, что больше соответствует интересам производителей в ущерб интересам потребителей. А ведь сельскому хозяйству, в частности хлопководству, необходимо иметь и просто пропашные тракторы, стоимость которых вдвое ниже, чем навесных.

Действующий хозяйственный механизм не позволяет решить это противоречие, поскольку все плановые рычаги задействованы на выпуск преимущественно навесных тракторов, которые порой не по карману многим хозяйствам. Хозяйства же, приобретающие такие тракторы, используют их в большинстве случаев без навеса. Тем самым наносится большой ущерб экономике колхозов и совхозов из-за морального и физического износа дорогостоящих навесов.

Таково наглядное проявление противоречий между колоссальными возможностями ускорения развития производительных сил в сельском хозяйстве и производственными отношениями с их устаревшими методами и формами управления.

Следовательно, необходимо осуществить серьезные структурные перестройки в машиностроительных отраслях республики для переориентировки их на выпуск продукции с учетом текущих и перспективных потребностей отраслей агропромышленного комплекса, а хозяйствам дать возможность свободного выбора средств производства в соответствии с их действительными нуждами.

Только при такой постановке хозяйственный механизм будет соответствовать меняющимся условиям экономического развития, характеру решаемых задач, обеспечивать кардинальное ускорение научно-технического прогресса.

Итак, новый уровень развития производительных сил и производственных отношений, достигнутый в результате совершенствования социализма, перевод экономики на интенсивный путь развития требуют существенного совершенствования хозяйственного механизма, особенно в главном его звене — плановом руководстве народным хозяйством.

Нам представляется, что в соответствии с указаниями партии требуют первоочередной разработки следующие основные направления улучшения территориального планирования и его рационального сочетания с отраслевым:

совершенствование информационной базы планирования, в частности порядка и сроков обмена информацией между министерствами, ведомствами и плановыми органами; разработка правовых и должностных норм, системы санкций по этим вопросам;

совершенствование показателей территориального планирования, в частности путем отказа от излишней их детализации, усиления роли общеэкономических показателей и сопоставимости показателей на различных уровнях планирования. Совершенствование показателей планирования предполагает перенос центра тяжести стимулирующих импульсов развития с количественных показателей на качественные, со стоимостных на натуральные;

совершенствование методов планирования, в частности балансовых расчетов, разработка системы экономико-математических моделей оптимального планирования развития республики с определением целевой функции плана, сопряжения локального и глобального критериев оптимальности, упорядочения планирования ТПК и многоотраслевых объектов, усиления роли науки в предплановых разработках и внедрения научных рекомендаций в практику планирования;

укрепление плановых органов на всех уровнях квалифицированными работниками, владеющими современными методами планирования, чувством нового, способными преодолеть инерцию и консерватизм планового мышления, основанного на традициях количественного подхода к оценке экономических процессов, сделать упор на эффективность, качество и конечные хозяйственные результаты;

совершенствование планирования экономических исследований в республике с концентрацией внимания на региональных теоретических и народнохозяйственных проблемах совершенствования механизма управления и планирования.

Совершенствование территориального планирования должно обеспечить:

взаимную связь показателей специализации, эффективности, комплексности развития региона для максимализации произведенного национального дохода, что обеспечит повышение темпов роста экономики, материального и культурного уровня жизни населения;

совершенствование отраслевой и социальной структуры общественного производства, дальнейшее развитие народнохозяйственного хлопкового комплекса при повышении удельного веса отраслей, обеспечивающих производство средств производства для удовлетворения потребностей населения;

при планировании уровня жизни населения, общественных фондов потребления и их распределения необходимы научное определение потребностей населения в материальных и духовных областях, дифференцированный подход с учетом особенности демографической ситуации республики.

Учитывая растущую роль планирования в дальнейшем социально-экономическом развитии страны и каждой союзной республики, необходимо обеспечить постоянное его совершенствование, прежде всего в целях более полного учета возможностей экономического потенциала республики.

До сих пор сохраняется существенное различие в отраслевых структурах национального дохода СССР и Узбекистана. Для страны в целом характерно преобладание в национальном доходе доли промышленности — около 50%, а в нашей республике она составляет 35%. Удельный же вес сельского хозяйства в УзССР почти вдвое превышает среднесоюзный уровень. Отсюда необходима направленность планиро-

вания на последовательное повышение доли индустриальных отраслей в создании национального дохода.

Ныне на душу населения страны производится национального дохода 2100 руб., а в УзССР — 1236 руб., или 60% союзного уровня. Следовательно, достижение общесоюзного уровня национального дохода в расчете на душу населения также является одной из главных стратегических задач совершенствования планирования и повышения эффективности структуры общественного производства республики в едином народнохозяйственном комплексе страны. При этом следует руководствоваться указаниями январского (1987) Пленума ЦК КПСС о роли плана как главного инструмента экономической политики, о необходимости глубокой научной обоснованности планирования и его нацеленности на «формирование эффективных народнохозяйственных пропорций...»¹⁰

Единый народнохозяйственный комплекс объективно требует создания адекватной ему системы планирования, коренного совершенствования хозяйственного механизма. В этой связи целесообразно создание системы правовых основ, регламентирующих расширение функций планирования в союзных республиках, руководства отраслевыми и территориальными производственными комплексами, определяющими общесоюзную специализацию республик. Как сказано в новой редакции Программы КПСС, «необходимо улучшать управление крупными народнохозяйственными комплексами, группами взаимосвязанных и однородных отраслей...»¹¹

Например, Узбекская ССР, учитывая степень и масштабы развития здесь хлопководства и сопряженных с ним отраслей, может, на наш взгляд, играть ведущую роль в планировании развития хлопкового комплекса в масштабах всей страны. К этому уже есть некоторые предпосылки. Так, в Узбекистане действует «Средазирсовхозстрой», управляющий созданием ирригационных систем и освоением новых земель во всех республиках Средней Азии. Необходимо продолжить совершенствование хозяйственного механизма, в том числе инвестиционного, в целях усиления заинтересованности союзных республик в укреплении дисциплины (межреспубликанских поставок, повышении эффективности территориальной организации общественного производства в целом.

В этом плане, очевидно, назрела необходимость разработки комплексной программы по созданию в Узбекистане крупного центра текстильной промышленности на базе имеющихся благоприятных экономических и природных условий, а также трудовых ресурсов, особенно женщин. В настоящее время около 92% хлопка-волокна вывозится за пределы республики ценой больших транспортных издержек, а затем значительная часть готовых тканей транспортируется в республику. Эти встречные перевозки наносят огромный ущерб экономике страны.

Поэтому создание в Узбекистане крупного центра текстильной промышленности для обеспечения потребностей не только республики, но и других восточных районов страны в основных видах текстильных изделий экономически выгодно со всех точек зрения.

В этих целях уже принимаются конкретные меры. Планируются завершение в XII пятилетке строительства Андижанского и Бухарского хлопчатобумажных комбинатов и создание ряда филиалов и цехов текстильной промышленности в районах с высокой обеспеченностью

¹⁰ Правда. 1987. 28 янв.

¹¹ Материалы XXVII съезда КПСС, С. 149.

трудовыми ресурсами.

На ускорение социально-экономического развития республики в обозримой перспективе будут оказывать существенное влияние такие региональные факторы, как:

наличие благоприятных природно-климатических условий и богатых материально-сырьевых ресурсов, предопределяющих региональную специализацию народного хозяйства республики;

масштабы достигнутого объема, качественный состав и уровень использования производственного потенциала, характеризующегося высокой степенью развития материального производства в отдельных районах республики, при наличии вместе с тем огромных пустынных массивов и предгорных зон и нарастании острого водного дефицита;

демографические условия, ведущие к особенностям в воспроизводстве трудовых ресурсов.

В настоящее время темпы роста населения Узбекистана опережают среднесоюзный уровень почти в три раза. Это выдвигает острые социально-экономические проблемы, связанные с полной и эффективной занятостью трудовых ресурсов. Ныне немалая часть трудовых ресурсов республики, особенно женщин, занята в личном подсобном, домашнем хозяйстве. В перспективе трудовые ресурсы УзССР еще более возрастут, и проблема их использования станет более масштабной и острой. Между тем создание одного рабочего места обходится промышленности примерно в 25—30 тыс. руб. Значит, вовлечение в общественное производство дополнительных трудовых ресурсов потребует огромных капитальных вложений, по нашим расчетам,—свыше 100 млрд. руб. Освоить их за короткий период при нынешних темпах практически не представляется возможным, да и средств таких у нас не будет. Напомним, что в целом за годы Советской власти на развитие всех отраслей народного хозяйства республики было направлено 120 млрд. руб. капитальных вложений, а в XII пятилетке — 38 млрд. руб. К тому же возможности республики решить данную проблему экстенсивными методами существенно ограничены в связи с острым дефицитом водных ресурсов.

Между тем в Основных направлениях подчеркнуто: «В районах Средней Азии, Южного Казахстана и Закавказья полнее использовать трудовые и природные ресурсы»¹².

Следовательно, требуются расширение сферы приложения живого труда, создание новых рабочих мест, осуществление нового строительства и расширение сферы услуг. Учитывая реальную ситуацию, в решении этих вопросов первостепенную роль должна сыграть успешная реализация положений, предусмотренных постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС».

Предусматривается, в частности, усиление роли Советов в обеспечении комплексного развития экономики и социально-культурной сферы на их территории, ускорении темпов роста и повышении эффективности общественного производства, увеличение на этой основе вклада республик, краев, областей, округов, районов, городов и сел в укрепление единого народнохозяйственного комплекса страны.

В связи с этим возникает острая проблема перевода этих территорий на полный хозрасчет, самофинансирование и самоокупаемость,

¹² Материалы XXVII съезда КПСС. С. 317.

с тем чтобы объективно оценить их реальный вклад по всем направлениям социально-экономического развития.

Как указывает М. С. Горбачев, «значительная доля ответственности за решение многих вопросов должна быть перенесена на местные органы. А это значит, что им надо дать и права соответствующие»¹³. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин подчеркивал, что «отсутствие на местах согласованной работы различных ведомств — одно из больших зол, препятствующих хозяйственному строительству. Надо обратить на этот вопрос громадное внимание»¹⁴.

Намеченные указанным постановлением меры практически и означают «громадное внимание» к улучшению работы различных ведомств, совершенствованию координации ее Советами на подведомственной им территории. Поэтому следует обеспечить максимально полную реализацию положений этого важного документа. В агропромышленном комплексе предстоит решить ряд актуальных экономических проблем, связанных с совершенствованием закупочных цен на хлопок-сырец и оптовых цен на хлопок-волокно, а также оплаты труда и др.

Хлопководство было и остается одной из самых трудоемких отраслей. Так, прямые затраты на производство 1 ц зерна составляют 1,6 чел./час, а на 1 ц хлопка — 36 чел./час., т. е. более чем в 22 раза. Однако их закупочные цены разнятся лишь в 4—5 раз. Между тем затраты труда, как известно, — основа стоимости. В Основных направлениях записано: «Совершенствовать систему цен и тарифов. Более полно отражать в них качественные показатели производства, уровень общественно необходимых затрат труда»¹⁵.

На январском (1987) Пленуме ЦК КПСС с новой силой подчеркнута недопустимость недооценки роли товарно-денежных отношений, действия закона стоимости, волевого подхода к ценообразованию. Следовательно, необходима тщательная разработка научно обоснованных рекомендаций по приведению цен на хлопок-сырец и другие сельскохозяйственные продукты в соответствие с уровнем общественно необходимых затрат труда, что станет важным фактором интенсивного развития хлопководства.

Так на конкретных материалах социально-экономического развития Узбекистана раскрывается диалектика взаимосвязей производственных отношений и производительных сил. Глубокая разработка указанных проблем должна быть нацелена прежде всего на решение важнейших задач повышения экономического и научно-технического потенциала республики. Как подчеркивалось на январском (1987) Пленуме ЦК КПСС, успешное решение назревших социально-экономических вопросов во многом зависит от состояния и развития теоретической мысли, особенно по исследованию диалектики взаимодействия производственных отношений с производительными силами, правильное понимание которого дает ключ к решению многих проблем развивающегося социализма¹⁶.

¹³ Правда. 1986. 3 авг.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 278.

¹⁵ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 332.

¹⁶ См.: Правда. 1987. 28 янв.

Э. Ю. ЮСУПОВ, Б. В. ЛУНИН

АНДИЖАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1898 ГОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

История освободительной борьбы народных масс Средней Азии против феодального и капиталистического гнета в период после присоединения данного региона к России по праву продолжает привлекать к себе внимание ученых. Многие в изучении этого вопроса сделано, многое ждет еще дополнительных, все более глубоких изысканий с тем, чтобы воссоздать ход событий наиболее подробно, с восполнением еще имеющихся пробелов временного и территориального характера. К тому же некоторые аспекты истории освободительного движения в Среднеазиатском регионе до сих пор не получили своего точного и бесспорного истолкования.

Наглядный пример тому — Андижанское восстание 1898 г., обратившее на себя внимание В. И. Ленина² и вызвавшее к жизни, с течением времени, широкий круг самых различных публикаций в советской исторической литературе, но тем не менее продолжающее вызывать различные точки зрения и порой исключают друг друга оценки.

В связи с предпринятой сейчас подготовкой к изданию капитальной восьмитомной «Истории Узбекской ССР», IV том которой посвящается времени от присоединения к России до победы Октябрьской революции (60-е годы XIX—начало XX в.), вновь возникла потребность в творческом обсуждении специалистами-историками вопроса о характере, движущих силах, социальной сути Андижанского восстания 1898 г. с тем, чтобы найти, наконец, наиболее точную и объективную оценку его с марксистско-ленинских позиций.

Одним из неперемennых условий успешности предстоящей работы историков является осуществление историографического обзора и анализа накопившейся литературы о событиях 1898 г. Это позволит уяснить процесс назревания и суть расхождений во взглядах ученых на эти события и тем самым приблизить и облегчить возможность согласованной, в соответствии с реальными фактами, их оценки³.

Начать с того, что обсуждение вопроса о социальной сущности Андижанского восстания 1898 г. восходит уже к началу 20-х годов, а в 1925 г. из печати вышла работа Е. Федорова «Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии» (Ташкент, 1925), само

¹ Печатается в дискуссионном порядке.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 191, 680.

³ В рамках журнальной статьи мы не можем, естественно, охватить всю без исключения литературу об Андижанском восстании 1898 г. Да в этом и нет особой необходимости. Для историографически-аналитического рассмотрения ее достаточно сконцентрировать основное внимание на узловых, наиболее характерных и показательных публикациях по данному вопросу на протяжении послеоктябрьского времени.

название которой говорит о взгляде автора и на Андижанское восстание⁴.

Но уже вскоре была высказана и резко противоположная точка зрения. В 1929 г. в сборнике Истпарта Средазбюро ЦК ВКП(б) «Революция в Средней Азии» была опубликована историографически весьма примечательная статья к 30-летию Андижанского восстания⁵, которую редакция сборника считала «первой попыткой подойти к исследованию вопроса об Андижанском восстании с научно-марксистским методом»⁶.

Характерно, что уже тогда, по словам автора, наметилось «несколько довольно сильно различающихся друг от друга оценок (восстания)». Одни «находят его реакционным, но сейчас же делают оговорку и стараются найти в нем моменты революционности. Одни, например, считают это восстание революционным постольку, поскольку в нем принимала участие масса: дехканство и ремесленники, а другие — поскольку это восстание объективно расшатывало устой царизма»⁷.

Сам автор оценивал его как восстание реакционное. Его причиной, считал он, была утеря политической власти и былого экономического господства старыми феодальными слоями, не сумевшими «найти свое место в только что зарождавшейся экономической системе». Признавая, что движущими силами восстания были дехканство и городские ремесленники, автор подчеркивал, однако, что они действовали «при гегемонии тех же старых господствовавших при феодализме слоев»⁸, и не случайно, мол, поэтому городская и сельская буржуазия («то есть наиболее передовой для тогдашнего времени класс в Туркестане») была против восстания, хотя ее якобы и подбивали к тому.

Свой взгляд на реакционный характер восстания автор базировал в основном и решающим на том выводе, что хотя оно и ослабляло устой царизма (это признается автором), но в случае победы в широких масштабах привело бы к восстановлению «всех элементов восточного средневековья, наглядным образчиком которого было Кокандское ханство». Феодализм восторжествовал бы в Туркестане над капитализмом и отбросил край в разряд таких отсталых государств, как Персия.

Таким образом, заключал автор, «восстание 1898 года, явившееся попыткой умирающего феодализма задушить нарождавшийся в Туркестане капитализм... необходимо считать исключительно реакционным движением»⁹.

Заслуживает особого внимания, что редакция сборника сочла необходимым специально отметить в примечании от своего имени, что она

⁴ Ср. со статьей Турара Рыскулова «Андижанское восстание» в Малой Советской Энциклопедии (Том I. М., 1928. С. 322—323), где указывалось на наличие острого недовольства масс, которое было использовано местной торговой буржуазией и феодалами под идейным руководством духовенства, поднявшего массы «под лозунгами охраны чистоты ислама, феодального уклада жизни, за государственную независимость от «неверных». В целом Т. Рыскулов считал восстание 1898 г. «самым крупным выступлением местного населения против захвата Туркестана... царской Россией и против ее капиталистической политики» (с. 323).

⁵ Сент-Заде. К 30-летию Андижанского восстания 1898 года // Революция в Средней Азии: Сб. I. Ташкент, 1929. С. 41—58.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 56.

⁸ Автор подчеркивал, что в числе привлеченных к судебной ответственности участников восстания было 2 датхо (или, как говорит автор, «генерала»), 7 панса-тов (или «полковников»), 2 прежних бека, 40 мулл и 2 муариса (или «профессора»?).

⁹ Там же. С. 58.

«не предрешает здесь вопроса о том, насколько автор в этом определении прав. Необходимо подчеркнуть, что эти его выводы на основе приводимых им же материалов недостаточно обоснованы и вопрос этот требует еще дальнейшей проработки на основе как уже имеющихся сырых материалов, так и привлечения новых, еще не разработанных».

Все это крайне поучительно в плане историографическом в том смысле, что, как видим, уже без малого шестьдесят лет назад в советской исторической литературе высказывалась точка зрения о реакционном характере восстания 1898 г. и тогда же возникали сомнения в ортодоксальности такой оценки. Наиболее уязвимым здесь было, пожалуй, то, что сам автор все же признавал, что движущими силами восстания выступали дехкане, ремесленники и что восстание расшатывало устои царизма в Туркестане.

Задумываясь сейчас над концепцией автора статьи 1929 г., мы обнаруживаем в ней соображения, казалось бы, подкупающие современного читателя своей обоснованностью.

В самом деле. Возврат от капитализма к феодализму, конечно, был бы явлением регрессивным. Достаточно вспомнить прямое и ясное указание В. И. Ленина на то, что «ни один марксист не забудет, что капитализм прогрессивен по отношению к феодализму...»¹⁰

Однако при ближайшем рассмотрении положения автора упомянутой статьи оказываются сугубо односторонними, антидиалектическими и более чем уязвимыми. Признание прогрессивности капитализма по отношению к феодализму, разумеется, отнюдь не может рассматриваться как некое его право быть застрахованным от выступлений масс против капиталистического (а равно и колониального) гнета. Это азбучная истина. Можно только напомнить, как рассматривал данную сторону дела В. И. Ленин. Говоря о прогрессивной роли русского капитализма в хозяйственном развитии страны, В. И. Ленин в то же время подчеркивал, что признание этой роли «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма»¹¹, против которых и направлялся социальный протест трудящихся масс. Отсюда следует вывод, что и в оценке Андижанского восстания дело, конечно, не должно было сводиться, как в статье Сенг-Заде, к прямолинейному и упрощенческому тезису: раз капитализм более прогрессивен нежели феодализм, а во главе восстания стояли феодальные элементы, то, следовательно, уже одно это предрешает его отнесение к разряду насковзь реакционных.

Недавно в печати было опубликовано выступление М. Г. Вахабова — убежденного и давнего сторонника взгляда на реакционный, антинародный характер Андижанского восстания. Воспроизведем полностью его формулировку: «Как новоявленные царьки и баи, как своего рода «удельные властелины», наделенные беспрекословным правом оценки тех или иных исторических событий, вели себя некоторые ученые [Академии наук Узбекской ССР]. По их непререкаемому велению, вопреки историческим фактам, авантюрное выступление отъявленного мракобеса Мадали Ишана в Андижане в 1898 году с реакционным лозунгом «газавата» против всех русских было объявлено кульминацией народного и антиколониального движения трудящихся Туркестанского края»¹².

Справедливости ради отметим прежде всего: то, что М. Г. Вахабов именует «кульминацией» взглядов такого рода, отнюдь не относится

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 116.

¹¹ Там же. Т. 3. С. 597.

¹² Вахабов М. Г. Правде истории вопреки//Правда Востока. 1986. 4 дек.

ни к тому времени, ни к тем людям, ни к тому месту действия, которые имеются в виду в его статье.

Достаточно указать, что именно «кульминация» взглядов на национально-освободительный характер Андижанского восстания (и более того — даже на его революционный характер) нашла свое отражение на страницах второго тома первого издания «Истории народов Узбекистана», вышедшего в свет еще в 1947 г. Там в главе «Национально-освободительное и революционное движение в Узбекистане со времени завоевания до конца XIX века» (автор акад. М. В. Нечкина) Андижанскому восстанию был посвящен специальный параграф¹³ с довольно подробным освещением предпосылок Андижанского восстания (закабаление трудящихся масс в Фергане как «хлопковом районе», снижение уровня их жизни, разорительное для них хозяйничанье русских капиталистов и местных байско-феодалных элементов, особое для этого района развитие чайрикерства и батрачества, смешение безземельной бедноты с пролетаризованными слоями деревни, новая система поземельно-податного обложения, насильственный постой царских войск в кишлаках и обременительная повинность содержания этих войск, раздражавшая население, бедственное положение кочевников-скотоводов, сложный узел аграрных противоречий и т. д.).

Подчеркивалось (это важно), что наибольшее количество участников восстания дали Андижанский и Маргиланский уезды и некоторые волости Ошского района.

Далее освещались биография Мадали-ишана, «лозунги и подготовка восстания», его ход, «состав участников и общий характер движения», расправа с участниками восстания.

Указывалось на «широкое сочувствие к восстанию населения» и то, что его подготовка проходила в «легко воспламеняющейся среде». В составе участников «преобладала трудовая беднота (трудовое дехканское население) кишлаков и городских пригородов», но к движению примешалась и некоторая доля феодальных элементов, включая прежних чинов войск кокандского хана. Убедительно было показано и доказано (на основе дел по конфискации имущества осужденных участников восстания), что большинство восставших имели «движимое имущество» ценностью часто не более 2—3 руб. Большинство из них были безземельными и лишь часть владела небольшими участками (от 3 до 8 танапов). На долю бедноты приходилось 48% всех арестованных, 30% составляли люди, вообще не имевшие никакого имущества. Скот имели 12%, землю — 10% арестованных.

Идеология восстания была лишена четкого понимания основных задач борьбы, прикрывалась «религиозными мотивами, имевшими власть над темной дехканской массой», само восстание носило локальный характер, было недостаточно организованным. Нападение восставших именно на казармы царских войск в Андижане было вызвано тем, что «Андижан — сравнительно небольшой центр — казался участникам восстания пунктом решающего значения; в их представлении ликвидация гарнизона этого города была чуть ли не равносильна падению царской власти в Фергане»¹⁴.

¹³ История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1947. С. 362—370. В своих воспоминаниях о работе в Ташкенте в годы войны М. В. Нечкина писала: «Историки Москвы трудились вместе с узбекскими учеными над... «Историей Узбекистана». Мне довелось написать для нее главу о массовом пролетарском движении узбеков (курсив наш.— Авт.) в конце XIX в.» (Нечкина М. В. Лекции в дни войны//В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. С. 35).

¹⁴ Там же. С. 368—369.

Лозунг «газавата» не раз в истории оказывался формой народных движений. Вместе с тем он отражал и «требования религиозно-феодалных элементов, примкнувших к движению, которому была свойственна идейная неоднородность».

Общий же вывод сводится к тому, что Андижанское восстание по своему существу было национально-освободительным, народным и поэтому «имело большое революционное значение: оно действовало в направлении общего революционного процесса, уже глубоко охватившего в девяностых годах царскую Россию в целом. Восстание наносило удар царизму, колебало его устои и прочность в недавно завоеванной колонии» и «содействовало... накоплению в широких массах опыта политической борьбы». Оно было «прогрессивным историческим явлением»¹⁵. Царизм жестоко подавил восстание, усилил национально-колониальный гнет, но «движение ушло в глубь и копило свои силы».

Как видим, налицо был обстоятельный и всесторонний анализ предпосылок, хода и итогов восстания. Нельзя, конечно, не видеть и некоторых преувеличений, прежде всего насчет «большого революционного значения» Андижанского восстания, но в целом авторская точка зрения заслуживала несомненного внимания.

Тем не менее она вновь обрела и своих противников, занявших прямо и резко противоположные позиции.

В марте 1951 г. в САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) состоялась дискуссия о характере национальных движений в Средней Азии и Казахстане в колониальный период¹⁶. На ней шла речь и о социальной природе Андижанского восстания. Докладчик проф. И. К. Додонов подтвердил свою точку зрения, высказанную им в ноябре 1950 г. на дискуссии в АН УзССР. В основном, утверждал он, восстание было народным и одним из очагов народного движения в Фергане в конце XIX в. Оно было своеобразной формой протеста против колониального гнета, а «газават» был только религиозной оболочкой восстания. В выступлении по докладу В. Я. Непомнин утверждал, что восстание носило реакционный характер, «толкало народы Туркестана назад к феодализму, к ханским деспотиям»¹⁷. К. Е. Житов полагал, что И. К. Додонов недооценил реакционную суть лозунга «газавата». Андижанское восстание, по его мнению, носило реакционный, феодально-националистический характер. В итоге дискуссии «удалось... показать реакционную сущность феодально-националистического Андижанского восстания 1898 г. и некоторых других движений»¹⁸.

Эта позиция сказалась и на последующей литературе вопроса. Со времени выхода в свет второго тома «Истории народов Узбекистана» (1947) пройдет менее 10 лет и в новом издании «Истории Узбекской ССР» 1956 г. (Том I. Книга вторая, под ред. М. Г. Вахабова, В. Я. Непомнина и др.) произойдет полная метаморфоза в оценке Андижанского («восточно-ферганского») восстания 1898 г. Она будет представлена краткими данными в главе второй (автор В. Я. Непом-

¹⁵ Там же. С. 364.

¹⁶ Зевелев А., Абдуллаев Ш. Дискуссия о характере...//Вопросы истории. 1951. № 9. С. 173—178. Речь шла об объединенном расширенном заседании кафедр основ марксизма-ленинизма и истории СССР САГУ, явившемся откликом на статью в «Правде» 12 декабря 1950 г. Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана».

¹⁷ Впоследствии В. Я. Непомнин отказался от однолинейного взгляда на реакционный характер восстания 1898 г. Он — один из трех авторов статьи во II томе «Истории Узбекской ССР» (1968), о которой речь пойдет ниже.

¹⁸ Вопросы истории. 1951. № 9. С. 177.

нин) с указанием в предисловии к тому, что в процессе работы над ним были учтены «критические замечания, пожелания, высказанные во время широкого общественного обсуждения II тома «Истории народов Узбекистана» (1948) и при обсуждении историками республики проспекта нового издания «Истории Узбекской ССР» (1954)».

Теперь Андижанское восстание рассматривалось как «наиболее крупное феодально-национальное движение в Средней Азии» с указанием на то, что «характер и лозунги андижанского восстания свидетельствуют о его глубоко реакционном, антинародном характере, и оценка этого выступления в первом издании II тома «Истории народов Узбекистана», как национально-освободительного и народного движения, является совершенно неправильной и ошибочной»¹⁹. Подчеркивалась и тесная связь восстания с панисламистской пропагандой и его цель — возвращение к ханским временам под эгидой турецкого султана. «За спиной ишана стояли Турция и Англия»²⁰.

При всей категоричности такого рода формулировок все же признавалось, что главарям восстания «путем религиозной пропаганды и обмана удалось привлечь на свою сторону *часть трудового населения*» (курсив наш. — Авт.) и что напуганное восстанием царское правительство «усилило политические репрессии и колониальный гнет в своей колонии»²¹.

Бросается в глаза, что в отличие от «Истории народов Узбекистана» здесь автор не утруждал себя анализом исторической обстановки тех лет, социально-экономических условий жизни масс и т. п. Вообще весь рассказ об Андижанском восстании уместился на одной странице²². Комментарии к категорическому утверждению о его реакционном характере и обозрение фактических данных были более скудными и односторонними в сравнении с материалами; фигурирующими в первом издании второго тома «Истории народов Узбекистана» в качестве обоснования вывода о национально-освободительном характере восстания.

Убежденно и последовательно придерживаясь взгляда на реакционный характер восстания 1898 г., М. Г. Вахабов вернулся к рассмотрению этого вопроса в своей пользующейся известностью большой

¹⁹ История Узбекской ССР. Т. I. Книга вторая. Ташкент, 1956. С. 99.

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 99.

²² Под явным воздействием текста «Истории Узбекской ССР» (Том I. Книга 2) и со ссылкой на него (а также на статью Б. Г. Гафурова «Об Андижанском восстании 1898 г.» в журнале «Вопросы истории», 1953, № 2, и книгу В. В. Салькова 1901 г.) была написана заметка С. А. Залесского об Андижанском восстании на страницах Советской исторической энциклопедии (Том I. 1961. С. 570—571). И здесь оно безоговорочно объявлялось феодально-националистическим движением в Фергане, правда, с упоминанием, что Мадали-ишан «использовал недовольство народных масс произволом русских колонизаторских властей».

Как национально-освободительное движение характеризовали восстание 1898 г. К. Е. Житов и В. Я. Непомнин в книге «От колониального рабства к социализму» (Ташкент, 1939. С. 26—27) и Б. Г. Гафуров в книге «История таджикского народа» (Т. I. М., 1949. С. 444). Б. Г. Гафуров подчеркивал, что, хотя восстание («взятое в свои руки реакционными элементами») не могло получить широкого размаха и было подавлено, «однако значение его было велико. Восстание по существу послужило школой для новых выступлений народных масс, в частности восстания 1916 года в Средней Азии». Впоследствии Б. Г. Гафуров в корне изменил свою точку зрения, объявив восстание «феодально-националистическим и реакционным», суфийским по характеру, причем даже само слово «восстание» употреблено здесь в кавычках (Гафуров Б. Г. Об Андижанском «восстании» 1898 года // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 50—61).

работе о процессе формирования узбекской социалистической нации²³.

Отвергая утверждение «Очерков истории Коммунистической партии Туркестана» (Ташкент, 1958. С. 22) о том, что в восстании 1898 г. принимали участие представители трудящихся масс, М. Г. Вахабов подробно рассмотрел биографию главы восстания («авантюристического выступления») Мадали-ишана как религиозного фанатика, «очень далекого от народных масс», «не связанного с ними», сгруппировавшего вокруг себя «реакционные феодальные элементы» и сумевшего образовать при своей резиденции влиятельный религиозно-юридский орден. Далее очень кратко описаны ход восстания и жестокое подавление его царскими войсками²⁴.

При таком подходе к анализу вопроса было естественным отнесение М. Г. Вахабовым событий 1898 г. к числу реакционных, феодально-клерикальных движений. В стороне осталось рассмотрение вопроса о тяжелом экономическом положении трудового населения Ферганы, о его феодальной и капиталистической эксплуатации, о социальном составе участников восстания (замененном указанием лишь на то, что «выступление Мадали-ишана начали около 600 мюридов и жившие при его дворе дервиши»)²⁵. Между тем сам же М. Г. Вахабов (правда, вскользь) упоминает о «действительно зревшем в народе недовольстве своим тяжелым положением» и о том, что царские власти подавили «назревшее *освободительное движение* (курсив наш.— Авт.)»²⁶. Но ведь именно эта сторона дела заслуживала наибольшего рассмотрения, а не только биография и роль Мадали-ишана²⁷.

Что касается восстания 1898 г., проходившего под знаменем религии (в данном конкретном случае под зеленым знаменем ислама) и во имя религии, во славу Аллаха, то можно ли в этой стороне дела усматривать ключ к уяснению социального характера и истоков восстания или видеть в его религиозной подоплеке один из решающих показателей его реакционности? Нет, если не отрываться от реальной действительности тех лет.

Классиками марксизма-ленинизма четко и ясно показана закономерность религиозной окраски стихийных крестьянских выступлений

²³ Вахабов М. Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961. 588 с.

²⁴ Нельзя не отметить, в частности, что в публикациях М. Г. Вахабова общая численность участников Андижанского восстания определяется цифрой до 1000 человек, тогда как в публикациях других авторов фигурирует утверждение, что их численность составляла 2000 человек. Расхождение довольно существенное, ждущее уточнения.

²⁵ Вахабов М. Г. Указ. соч. С. 200—202.

²⁶ Там же. С. 202.

²⁷ Если следовать описанию М. Г. Вахабова, то весь ход восстания 1898 г. был не более, чем быстропроходящим эпизодом. К 6 часам утра ишан и его сторонники подошли к Андижану, напали на казарму, убили 22 и ранили 24 солдата, но «достаточно было первых залпов оправившихся от внезапного нападения солдат, чтобы восставшие разбежались. Этим, собственно говоря, и кончилось выступление Мадали-ишана» (Вахабов М. Г. Указ. соч. С. 201). Между тем дошедшие до нас известия говорят о том, что события 1898 г. взбудоражили весь край. Даже в Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии (организации, казалось бы, бесконечно далекой от живой жизни) отмечалось, что то было время «особых обстоятельств. пережитых в мае месяце 1898 года всем населением Туркестанского края» (ПТКЛА, год пятый, 1900, с. 38). В. Духовская (жена туркестанского генерал-губернатора) рассказывает, что в августе «до самой границы Закаспийского края, через каждые шесть столбов, стоят по два туземца,— охраняют железнодорожный путь до проезда последней партии ссылаемых на каторгу андижанских повстанцев... Туземцам было объяснено, что в случае какого-нибудь несчастья с поездом, ответит за это все население близлежащих кишлаков» (Духовская В. Туркестанские воспоминания, СПб., 1913. С. 39).

не только в средние века, но и в более позднее время. «Если эта классовая борьба,— писал Ф. Энгельс,— протекала тогда [в средние века] под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это насколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»²⁸. В XIII—XVIII вв. религиозную окраску принимали, как правило, все исторические движения. Эта окраска «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека... но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию»²⁹, ибо «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей, поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»³⁰.

И Ленин указывал, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»³¹ И уж конечно, оно было свойственно и не могло не быть свойственным дехканским массам Ферганы конца XIX в. Напомним, что спустя более чем 20 лет, уже в первые годы Советской власти (1919 г.), В. И. Ленин вынужден был констатировать, что народы Средней Азии еще «всецело в подчинении у своих мулл» и «надо дожидаться... дифференциации пролетариата от буржуазных элементов», что неизбежно³².

Таким образом, не религиозная оболочка Андижанского восстания — основной показатель к суждению о его реакционной или прогрессивной роли, а прежде всего его социальная основа.

В целом приходится констатировать ограничительный характер аргументации М. Г. Вахабова. В ней очень убедительно и с достаточной полнотой освещаются личность Дукчи-ишана как религиозного фанатика пантюркистского и панисламского толка, его антирусские настроения, но в меньшей степени, скупое и беглое, характеризуется социальный состав участников восстания в его преобладающей части. Автор усиленно подчеркивает принадлежность многих участников восстания к числу мюридов Мадали-ишана. Но само по себе, заметим, это еще не говорит о социальном облике последователей ишана. Среди мюридов могли быть люди разного имущественного и общественного положения, от зажиточных элементов до беднейших. Религиозная оболочка, повторяем, не должна заслонять собой все и вся в анализе социальной природы восстания 1898 г.

И поучительно, что и на этот раз, как и раньше, взгляд на Андижанское восстание 1898 г. как на явление сугубо реакционное не получил безоговорочного признания, побуждая историков вновь и вновь возвращаться к данному вопросу в поисках истины.

В Институте истории АН УзССР было созвано совещание группы историков, на котором в результате обмена мнениями была опять подтверждена точка зрения о принадлежности восстания 1898 г. к числу проявлений национально-освободительного движения конца XIX в. в Туркестане.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 360.

²⁹ Там же. С. 294.

³⁰ Там же. С. 314.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228. Ленин же не раз подчеркивал, что крестьянские восстания всегда оставались «одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами» (Полн. собр. соч. Т. 20. С. 140) вследствие «неразвитости и темноты крестьян» (Там же. Т. 4. С. 229) и отсутствия у них «ясных политических требований — причин их неизбежного поражения» (Там же. Т. 7. С. 194—196).

³² Там же. Т. 38. С. 158—159.

В 1967—1968 гг. из печати вышло новое, четырехтомное издание «Истории Узбекской ССР», во втором томе которого (1968) в главе третьей («Народные движения Узбекистана 80—90-х годов XIX в.») подробно рассматривался и вопрос об Андижанском восстании (авторы В. Я. Непомнин, Х. Т. Турсунов и К. Ф. Касымбеков). В предисловии к тому указывалось, что «историки сумели определить сейчас свое принципиальное отношение к оценке таких проявлений национально-освободительного движения... как Андижанское восстание 1898 г. и др.», хотя многие моменты еще ждут своего всестороннего и исчерпывающего изучения.

Общий вывод авторов сводился к тому, что восстание было сложным по своему социальному составу, что представители религиозно-феодалной знати стремились воспользоваться возмущением дехкан и кочевых скотоводов царской колониальной политикой для достижения своих узкоклассовых интересов. Неминуемость поражения восстания определялась уже тем, что интересы главарей не имели ничего общего с интересами угнетенной массы. Религиозная оболочка восстания сковывала активность дехканских масс, мешала развиваться классовой борьбе.

Главную же причину восстания надо искать в тяжелых условиях жизни народных масс, а не в происках (вообще говоря, возможных и вероятных) иноземной агентуры. Основной движущей силой восстания 1898 г. была народная масса. Вопреки пагубному воздействию феодально-клерикальных элементов восстание наносило удар по царизму в недавно завоеванной колонии. Восстание носило антифеодальный и антиколониальный характер³³.

Очень важным было цитируемое авторами выступление на заседании IV Государственной Думы (в связи с восстанием 1916 г.) очевидца Андижанских событий 1898 г. князя Мансырева, видевшего первопричину событий во взяточничестве, которое «развито было до архивозможных пределов... натурой и деньгами», в поборах, которые «производились по всякому поводу», в постоянном отчуждении администрации от местного населения, «выражении всяческого ему презрения и недоверия, взгляде на туземное население, как на низшую расу, не способную ни мыслить, ни чувствовать», в совершенном произволе «со стороны всех от мала до велика на административной лестнице». Но то, что видел свидетель событий почти 90-летней давности, не в состоянии увидеть некоторые исследователи наших дней.

Как видим, авторы II тома «Истории Узбекской ССР» избегали односторонних суждений о восстании (или — или), вскрывая как его социальную, антиколониальную сущность, так и теневые, отрицательные черты.

В согласии с основными положениями II тома «Истории Узбекской ССР» находится и заметка Х. Т. Турсунова о восстании 1898 г., датированная 1970 г.³⁴ Автор видит в нем следствие колонизаторской

³³ В недавно увидевшей свет статье С. С. Хромова (XXVII съезд КПСС и некоторые актуальные проблемы изучения отечественной истории//История СССР. 1986. № 6. С. 17—18) содержится упрек в адрес однотомяника «Узбекская Советская Социалистическая Республика» (Ташкент, 1981. С. 93), в котором Андижанское восстание 1898 г. безоговорочно объявляется «антифеодальным и антиколониальным», хотя, как отмечается относительно этого восстания в «Истории Узбекской ССР» (Том II. 1968. С. 82), «к лозунгам, которые в какой-то мере отражали чаяния народных масс, примешались лозунги иного порядка, отражавшие устремления и идеи религиозно-феодалных элементов, примкнувших к восстанию».

³⁴ Турсунов Х. Т. Андижанское восстание 1898 г.//Большая Советская Энциклопедия. Т. 2. 1970. С. 14.

политики царизма, отмечает, что вопреки антиколониальным настроениям основной массы его участников, руководство им оказалось в руках феодалов и духовенства и тем не менее восстание «объективно содействовало дальнейшему нарастанию национально-освободительной борьбы народов Туркестана».

Обращает внимание, что Х. Т. Турсунов ничего не говорит об антифеодальном характере восстания, что следует считать, как мы полагаем, не случайным (см. ниже).

В 1982 г. в своей новой статье Х. Т. Турсунов обоснованно разделял развитие национально-освободительных движений в Средней Азии на три периода: от присоединения к России до начала XX в. (к этому периоду относится и Андижанское восстание), от начала XX в. до Февральской революции 1917 г. и от Февраля до Октября 1917 г. Для первого периода была характерна разрозненность национальных движений и отсутствие непосредственных связей с революционным движением рабочего класса России. «Освободительные идеи и устремления народных масс в известной мере затушевывались и затемнялись религиозным фанатизмом некоторых категорий участников национально-освободительных движений, да и сами эти движения — стихийные и неорганизованные носили ярко выраженную религиозную окраску, нередко находясь под влиянием феодально-клерикальных элементов»³⁵. Это относится и к Андижанскому восстанию 1898 г. Автор правильно подчеркивал важность умения «вскрыть внешнюю религиозную оболочку, отделить ее от классового содержания, проанализировать истинные, глубинные причины и характер народных движений»³⁶.

Кстати сказать, весь ход событий 1898 г. не позволяет и методологически, и фактически сводить историю Андижанского восстания к событиям, связанным только с этим городом, отрывая их от всей обстановки, сложившейся тогда в Ферганской долине и даже за ее пределами. Андижанское восстание было лишь наиболее острым по своему характеру (прямое вооруженное нападение на казармы царских войск)³⁷, но отнюдь не изолированным от того, что происходило и до, и после этого за пределами Андижана. Уместно заметить, что еще Н. П. Остроумов предпочитал вести речь не об Андижанском, а о Ферганском восстании. Дошедшие до нас донесения местных (периферийных) и центральных (областных, краевых) колониальных властей полностью подтверждают сказанное. Говоря словами генерал-лейтенанта Королькова, налицо была обширная распространенность движения. О том же вел речь и генерал-губернатор Туркестанского края Духовской, указывавший, что «хотя эта вспышка и появилась в Фергане, но явление это не может считаться делом чисто местным или одного какого-либо класса». Вспышки повстанческого движения в некоторых районах имели место и до 1898 г., причем некоторые из них, судя по всему, олицетворяли собою своеобразное переплетение антиколониальных настроений с антифеодальными (нападения на волостных управи-

³⁵ Турсунов Х. Т. Глубже изучать историю национально-освободительных движений в Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1982. № 1. С. 23.

³⁶ Там же. С. 26.

³⁷ То, что объектом нападения восставших явились именно казармы — место расположения воинского гарнизона Андижана, — вполне закономерно. Царские войска были расквартированы по всему Туркестанскому краю, главным образом в его городах. Они обеспечивали военную охрану интересов колониального режима, служили в этом плане его опорой, а тем самым олицетворяли в глазах восставших ненавистную им систему военно-колониального управления краем, были символом царского владычества в Средней Азии и уже не впервые прибегали к вооруженному подавлению «беспорядков» на социальной почве.

телей, баев). В новейшей литературе подобного рода факты в известной мере освещены в публикации К. Ф. Касымбекова со ссылками на официальные источники³⁸. Добавим, что по прямому признанию колониальных властей, отголоски и влияние восстания сказывались и на обострении борьбы коренного трудового населения против действий кулаков-переселенцев из России, захватывавших его земли (Сырдарьинская обл. и др.).

Все это объясняет, почему царские власти с особой жестокостью и решимостью расправлялись с участниками Андижанского восстания и других связанных с ним событий. Тот же генерал Корольков в телеграмме на имя военного министра 24 мая 1898 г. указывал, что «андижанское восстание должно было быть лишь побудительной причиной всеобщего восстания, которое должно было начаться лишь после уборки ячменя. Это время вскоре наступает. Принимаем меры усиленной охраны железной дороги, ввиду того, что благонадежность личного состава строителей внушает опасения»³⁹. Добавим и свидетельство военного прокурора, генерал-майора Долинского о составе участников восстания 1898 г.: «поденщики (мардикеры), нищие, мелкие торговцы-разносчики, полуоседлые киргизы и кипчаки, узбекские дехкане, духовные лица, б. офицеры Кокандского ханства, а также всякий бродячий люд... терять которому нечего»⁴⁰.

Ограничимся сказанным, добавив, что и с учетом всех фигурировавших выше фактов остается в силе первоочередной, крайне существенный и неотъемлемый вопрос о глубинных социальных истоках, корнях андижанских событий. Историки-марксисты призваны к тому, чтобы, анализируя то или иное историческое явление, подходить к нему аналитически, всесторонне, комплексно, уметь видеть за фактами их живую плоть, иногда как раз и ускользающую за внешней стороной дела.

Если под этим углом зрения подойти к оценке андижанских событий, едва ли будет верным безоговорочно, от начала и до конца, оторвать и начисто изолировать его от реальной обстановки конца 90-х годов XIX в. в колониальном Туркестане.

Позволительно спросить: мог ли установленный здесь царизмом жестокий колониальный режим, способствовавший усилению и обострению социального и национального гнета, росту эксплуатации, бесправия и подавленности трудящихся масс коренного населения, не вызывать в этих массах чувств недовольства, протеста, озлобленности. Это было бы явлением совершенно противоестественным, противоречащим всему ходу и содержанию событий. В противном случае должен был бы следовать вывод об абсолютной пассивности тружеников Туркестана, об их повсеместно примиренческом, безропотном отношении к режиму колониального угнетения, а это было бы, конечно, выводом антиисторичным, насквозь субъективистским.

Другое дело, что именно в конкретной обстановке конца тех же 90-х годов (страшная забитость населения, почти сплошная его неграмотность, оторванность от центров политической жизни, часто безраздельное влияние консервативного мусульманского духовенства, догм корана и шариата, религиозных и бытовых предрассудков, отсутствие общественных организаций трудящихся, засилье феодальных верхов и экономическая зависимость от них, крайняя слабость связей с местным

³⁸ Касымбеков К. Ф. Из истории народных движений в Фергане в конце XIX — начале XX века. / Отв. ред. Х. Т. Турсунов. Ташкент, 1978. С. 43—65.

³⁹ ЦГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 35, л. 267.

⁴⁰ Там же, л. 62—63 (см.: Касымбеков К. Ф. Указ. соч. С. 63).

отрядом рабочего класса и т. п.) протест против политики и действий колониальных властей мог приобретать характер не открытых, тем более вооруженных, выступлений, а протеста приглушенного, плохо осознанного, неорганизованного, проявлявшегося стихийно и разрозненно. А это и создавало почву и условия для использования антиколониальных настроений масс в интересах феодально-клерикальных кругов, что, заметим, и нашло свое отражение в андижанских событиях 1898 г.

Из сказанного вытекает вывод, что было бы напрасно для историков учитывать и принимать во внимание лишь те проявления национально-освободительного движения, которые представляли бы перед ними в своем чистом, первозданном, классическом облике. И наоборот: сбрасывать со счетов и огульно зачислять в разряд реакционных, вредных, антинародных явления и события, не укладывающиеся в рамки привычных и устоявшихся представлений. Применительно к специфическим условиям Средней Азии это означало бы (следуя народной поговорке) выплескивать вместе с водой и младенца и существенно обеднять историю освободительного движения в этом обширном регионе.

Со своей стороны, мы считаем, что при всех привходящих обстоятельствах (приведших к тому, что восстание 1898 г. оказалось возглавленным представителями реакционных феодально-клерикальных кругов) в целом это восстание по своей социальной сущности объективно носило черты антиколониального характера и уже в силу одного этого вливалось в русло освободительного движения, подтачивавшего устои ненавистного массам колониального режима царизма и предвещавшего его неминуемое падение, но уже в результате революционных событий общероссийского характера, а не в итоге стихийных и разрозненных выступлений крестьянства, не озаренных (говоря ленинскими словами) светом политического сознания.

Что касается антифеодального характера восстания, то о нем, думается, можно говорить в меньшей степени, косвенно, ограничительно, учитывая, что оно оказалось под определяющим воздействием самих феодальных (феодально-клерикальных) кругов, и прямолинейное, «лобовое» объявление его антифеодальным, как таковым, было бы, возможно, неоправданным. В то же время нельзя не учитывать и того фактора, что в реальных условиях того времени уже имело место переплетение форм и методов феодальной эксплуатации трудящихся масс с формами и методами эксплуатации, свойственными усиливающемуся проникновению в экономику края капитализма. Шел процесс сращивания низового административного аппарата колониальных властей с местной эксплуататорской верхушкой. Усиление гнета в его двойной сфере: феодальной и капиталистической — осуществлялось в условиях колониального режима. В этой обстановке чувства гнева и протеста, зревшие в массах, неминуемо должны были в конечном счете обращаться против всех форм эксплуатации, как капиталистических, так и феодальных. Вспышки выступлений антифеодального характера известны в истории края задолго до событий 1898 г. и в период, сопутствующий ему. И конечно же, восстание 1898 г. не следует искусственно отрывать от общего хода событий, ознаменованных вспышками антифеодальных и антиколониальных выступлений низов тех лет.

В новейшем однотомном «Советском энциклопедическом словаре» (М., 1980. С. 57) Андижанскому восстанию посвящена предельно краткая заметка: «Андижанское восстание, антиколониальное движение

дехан и мардикеров в Ферганской области в мае 1898 (2 тыс. участников). Феодалная знать и духовенство под лозунгом газавата пытались использовать восстание для восстановления Кокандского ханства. Подавлено царским правительством». Высказанное нами выше позволяет, полагаем, солидаризироваться с этим простым, лаконичным определением основной сути Андижанского восстания 1898 г.

Всем сказанным выше мы отнюдь не хотим, конечно, как-либо ограничить право отдельных исследователей держаться и других точек зрения на сущность Андижанского восстания. Возражения вызывают лишь попытки подменить творческое обсуждение вопроса и научную полемику с другими историками недвусмысленным и безоговорочным обвинением их в том, что они якобы высказывали свои взгляды вопреки историческим фактам и в качестве слепо послушных и безропотных исполнителей чьих-то непререкаемых повелений⁴¹.

В уже упоминавшейся выше статье на страницах «Правды Востока», написанной под впечатлением решений III пленума ЦК Компартии Узбекистана (октябрь 1986 г.), его принципиальных положений и глубоко справедливых указаний на существенные недостатки и нетерпимые негативные явления в деятельности обществоведов республики, М. Г. Вахабов остро и правильно говорил, в частности, о таком отрицательном явлении, как прекращение в республике научных дискуссий и теоретических сессий по важным историческим проблемам. Но именно поэтому автору, одному из старейших и опытнейших историков Узбекистана, не следовало бы одним росчерком собственного пера выносить, образно говоря, приговор, не подлежащий обжалованию, в адрес всех тех других историков, его собратьев по науке, которые позволяли себе высказывать иную точку зрения на восстание 1898 г., не совпадающую с точкой зрения автора статьи. Это, добавим, не соответствует духу нашего времени и многократным указаниям партии на необходимость свободного, творческого, в интересах дела обсуждения учеными спорных, недостаточно изученных научных проблем прошлого и настоящего.

В свое время один из сторонников взгляда на реакционный характер Андижанского восстания⁴² призывал исходить при изучении национальных движений из указаний И. В. Сталина о том, что к изучению национальных движений следует подходить аналитически, учитывая конкретные условия, и цитировал высказывание Сталина о том, что «несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений»⁴³.

Думается, что сторонникам противоположных точек зрения на сущность Андижанского восстания как раз и не хватало диалектического начала в подходе к делу и учета относительности и своеобразия подобных ему явлений. Это относится и к новейшему выступлению в печати уважаемого М. Г. Вахабова.

Как отмечает один из современных исследователей, «национально-освободительное движение в целом есть порождение развития капиталистических отношений в колониях и в самом общем виде — явление буржуазное. Однако в этом движении сосуществуют и нередко причудливо переплетаются разные течения. Что касается прошлых периодов,

⁴¹ Вахабов М. Г. Указ. статья (Правда Востока. 1986. 4 дек.).

⁴² См.: Якунин А. К вопросу об оценке характера национальных движений 30—40-х годов XIX века в Казахстане // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 55—64.

⁴³ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 143.

то подобные ситуации изучены довольно хорошо. Для идеологии антиколониальных движений XIX в., например, был характерен «феодалный национализм», выступавший под лозунгом возвращения к старым доколониальным порядкам. Известно также, что в идеологии ряда национально-освободительных движений переплетались демократические и консервативные черты. И такие движения были в целом прогрессивными в период, когда еще не сложилось собственно национально-освободительное движение под демократическими лозунгами»⁴⁴.

Полагаем, наконец, что в связи с ведущейся сейчас подготовкой к изданию восьмитомной «Истории Узбекской ССР» несомненно должно быть созвано совещание историков-специалистов для нового всестороннего обсуждения вопроса об Андижанском восстании 1898 г. и выработки наиболее точных выводов и формулировок. «Поиск истины,— как отмечает М. С. Горбачев,— должен идти через сопоставление различных точек зрения, дискуссии и обсуждения, ломку прежних стереотипов»⁴⁵.

⁴⁴ Ким Г. Ф. XXVII съезд КПСС и задачи советского востоковедения//Народы Азии и Африки. 1986. № 5. С. 5.

⁴⁵ Коммунист. 1986. № 12. С. 4. Как замечает акад. С. Л. Тихвинский, справедливо притензии к историкам, которые, «отстаивая монополию на трактовку отдельных вопросов, прибегают к обвинениям в адрес тех, кто обосновывает другие точки зрения» (Тихвинский С. Л. Некоторые вопросы работы советских историков// Вопросы истории. 1986. № 12. С. 8).

Т. УМУРОВ

ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ВОПРОСЫ ЕГО УКРЕПЛЕНИЯ

В решениях XXVII съезда КПСС, XXI съезда Коммунистической партии Узбекистана, последующих Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз обращено особое внимание на всемерное упрочение социалистической законности, правовых основ перестройки и ускорения социально-экономического развития страны.

Успешное выполнение взятого партией курса на дальнейшее укрепление социалистической законности, дисциплины и порядка во многом зависит от состояния охраны общественного порядка и степени борьбы с антиобщественными явлениями. Осуществляемые ныне решительные меры по искоренению негативных явлений диктуются тем, что подобные явления, особенно пьянство, тунеядство, расточительство, хищения социалистической собственности, спекуляция, взяточничество, наносят огромный вред развитию общества, укреплению его экономических основ, воспитанию нового человека.

Как отмечалось на XXI съезде Компартии Узбекистана, эти негативные явления за последние годы приобрели крайне опасный характер. «Советское общество достигло такого уровня развития, когда оно не может мириться с нарушениями прав и законности. Поэтому партийные, советские, правоохранительные органы республики свою важнейшую задачу должны видеть в том, чтобы крепкая, сознательная дисциплина, непримиримость к недостаткам, к любым антиобщественным проявлениям стали нормой для каждого человека, широкой общественности»¹.

Как указывал на XXVII съезде КПСС М.С. Горбачев, «в последнее время проведена немалая работа по укреплению правопорядка во всех сферах жизни общества. Но усилия в этом направлении ни в коей мере не могут ослабляться»².

Исходя из указаний XXVII съезда КПСС об активизации борьбы с нарушениями общественного порядка и социалистической законности, ЦК КПСС принял в ноябре 1986 г. специальное постановление «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан»³.

В постановлении отмечается, что курс на ускорение социально-экономического развития, демократизацию всех сторон общественной жизни, повышение творческой активности масс, роли человеческого фактора неотделим от укрепления социалистической законности и

¹ Правда Востока. 1986. 31 янв.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 61.

³ Правда. 1986. 30 нояб.

правопорядка. В этом направлении принят ряд мер законодательного, организационного и воспитательного характера. Однако они не являются еще достаточно эффективными и не в полной мере отвечают требованиям времени. Необходимо еще активнее и бескомпромисснее бороться с любыми негативными явлениями, порочащими социалистический образ жизни. ЦК КПСС обязал все партийные, советские, правоохранительные органы, совместно с производственными, общественными организациями разработать конкретные меры по дальнейшему усилению борьбы с подобными явлениями. Отсюда вытекают новые ответственные задачи ученых-юристов, которые призваны активнее разрабатывать актуальные вопросы упрочения законности и правопорядка, а также правового воспитания населения.

В свете поставленных задач необходимо прежде всего, чтобы сложилось ясное представление о самом общественном порядке и о путях его укрепления. Термин «общественный порядок» широко фигурирует в политической, социологической, правовой и вообще во всей литературе по общественным наукам. Однако до сего времени даже в юридической науке нет единого представления о понятии общественного порядка. Так, высказаны суждения о том, что общественный порядок — это: «система общественных отношений»⁴, «соблюдение и воздействие социальных норм»⁵, «правило социалистического общежития»⁶, «общественная безопасность»⁷, «государственный порядок»⁸, «правопорядок»⁹ и т. д.

Например, по мнению И. И. Веремеенко, «советский общественный порядок как определенная правовая категория представляет собой обусловленную потребностями развитого социализма систему общественных отношений, возникающих и развивающихся в общественных местах в процессе общения людей, правовое и иное социальное регулирование которых обеспечивает личную, общественную безопасность граждан и тем самым обстановку спокойствия, согласованности и ритмичности общественной жизни»¹⁰.

⁴ Козаченко И. Я. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения//Советское уголовное право (Часть особенная). М., 1983. С. 373; Даньшин И. Н. Уголовно-правовая охрана общественного порядка. М., 1973. С. 16; Яценко С. С. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья//Уголовное право Украинской ССР на современном этапе: Часть особенная. Киев, 1985. С. 358; Солопанов Ю. В. Социалистическая законность, правопорядок и общественный порядок//Теория государства и права. М., 1986. С. 307—308; Горбунова О. Н. К вопросу об определении понятия общественный порядок в советской науке административного права//Труды Иркутского государственного университета. Т. XIX: серия юридическая. Вып. 8. Ч. 2. Иркутск, 1967. С. 118.

⁵ Явич Л. С. Государство, право, общественный порядок в период строительства коммунизма. М., 1967. С. 14—15; Блиндер Б. А. Квалификация хулиганства по новому уголовному законодательству//Научные труды ТашГУ. № 313. Ташкент, 1968. С. 146; Фролов В. А. Участие трудящихся в охране общественного порядка. М., 1985. С. 4.

⁶ Матышевский П. С. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья//Сб.: Уголовное законодательство Украинской ССР. Киев, 1971. С. 477.

⁷ Гришанин П. Ф. Уголовный закон на страже социалистического общественного порядка//Труды ВШ МООП РСФСР. Вып. 24. М., 1969. С. 173.

⁸ Забелов С. М. Административно-правовое обеспечение общественного порядка исполнительными комитетами районных, городских Советов депутатов трудящихся: Автореф. дис. ...канд. юр. наук. М., 1977. С. 9.

⁹ Баланик Б. Г. Общественный порядок как категория советского законодательства//Советское государство и право. 1982. № 11. С. 77.

¹⁰ Веремеенко И. И. Сущность и понятие общественного порядка//Советское государство и право. 1982. № 3. С. 27.

И. И. Веремеенко анализирует понятие общественного порядка в узком смысле, т. е. как правовой категории, путем установления следующих трех критериев. Во-первых,— место возникновения соответствующих общественных отношений. С его точки зрения, общественный порядок характеризуется тем, что общественное отношение, на которое этот порядок распространяется, возникает и развивается преимущественно в общественных местах, т. е. в местах совместного проживания, отдыха, иного общения, когда необходимо строить свое поведение в соответствии с интересами общества. Во-вторых, сущность (а не содержание, которое ввиду своей широты всегда переплетается с содержанием близких явлений) общественных отношений И. И. Веремеенко видит в общественной и личной безопасности людей — безопасности жизни, здоровья, чести, достоинства, имущества. В-третьих, цель регулирования соответствующих общественных отношений автор определяет как достижение нормального и согласованного течения общественной жизни и т. д.

Не соглашаясь с И. И. Веремеенко в том, что общественный порядок есть система общественных отношений, его понятие в узком смысле — правовая категория, а сущность заключается в обеспечении общественной и личной безопасности, отметим, что общественный порядок в широком смысле не представляется системой общественных отношений, а в узком смысле — не является правовой категорией. Общественные отношения — это философская категория. Она имеет свое понятие и систему, и устанавливаются они между людьми в процессе их совместной деятельности. Общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Производство материальных благ составляет основу существования и развития человеческого общества. Производственные отношения определяют характер всех других общественных отношений — политических, правовых и т. д.¹¹ Если говорить о правах, законах, правовых нормах, то они тоже представляют собой самостоятельные социальные явления, создаваемые государством или его органами, имеют свое понятие и содержание.

М. И. Еропкин и Л. Л. Попов также утверждают, что общественный порядок возникает в результате соблюдения социальных норм¹², а Б. Г. Баланик считает, что общественный порядок в узком смысле — часть правопорядка¹³. Т. М. Шамба определил советский социалистический правопорядок как реальное состояние, основанное на социалистическом праве и законности общественных отношений¹⁴. Т. М. Кафаров и Ч. М. Мусаев считают, что общественный порядок существует как «необходимая предпосылка социально одобряемого функционирования государственных учреждений и предприятий, общественных организаций, нормальной общественно-политической, производственной и иной социальной деятельности, а также нормального быта и отдыха граждан»¹⁵.

С. М. Забелов, как и указанные выше авторы, считает, что общественный порядок есть урегулированная нормами права и морали система общественных отношений, состоящих из межличностных, существующих вне трудовой сферы отношений индивидов и социальных групп

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6—7.

¹² См.: Еропкин М. И., Попов Л. Л. Административно-правовая охрана общественного порядка. Л., 1973. С. 7.

¹³ Баланик Б. Г. Указ. статья. С. 77.

¹⁴ Шамба Т. М. Советская демократия и правопорядок. М., 1985. С. 29.

¹⁵ Кафаров Т. М., Мусаев Ч. М. Борьба с посягательствами на общественный порядок. Баку, 1983. С. 23.

в сфере быта, отдыха, досуга, складывающихся в целях совершенствования социалистического образа жизни. Он предлагает в целях сокращения числа терминов употреблять вместо слов «общественный порядок в широком смысле» термин «государственный порядок»¹⁶. Различные определения общественного порядка можно найти и в работах других ученых-юристов.

Нам прежде всего хотелось бы отметить, что понятия «общественный порядок» и «государственный порядок» отождествлять нельзя, ибо они определяют различные социальные реалии.

Общественный порядок — элемент более широкого социального образования — общественного строя; в рамках последнего существует государственный строй, которому присущ соответствующий государственный порядок. Видимо, сторонники отождествления понятий «общественный порядок» и «государственный порядок», рассматривая исследуемое явление в условиях одного конкретного государства, замечают лишь общие для общественного и государственного порядка моменты, например единые с точки зрения общественной морали и государственного закона отрицательные оценки преступных деяний.

По нашему мнению, государственный порядок, поскольку он образуется в основном в результате реализации общественных отношений, утвержденных и урегулированных государством, т. е. юридическими законами, представляет собой в то же время правопорядок. Отметим, что эти вопросы основоположниками научного коммунизма увязывались с проблемой способа производства, т. е. общественно-экономической формации. Так, К. Маркс утверждал, что «урегулированность и порядок являются именно формой общественного упрочения данного способа производства...»¹⁷

Исходя из этого, по нашему мнению, правильно будет дать следующие определения общественного и государственного порядка:

Социалистический общественный порядок в широком смысле — это совокупность системы порядка, сложившегося в результате реализации общественных отношений, в целом воплощенного в социальных нормах и регулируемого ими, служащего формой содействия упрочению новой общественно-экономической формации — социализма.

Общественный порядок в узком смысле как самостоятельное явление, производное от общественного порядка в широком смысле, представляет собой совокупность системы порядка, сложившегося в результате реализации социалистических общественных отношений, в целом воплощенного в социальных нормах, регулируемого ими и служащего формой содействия упрочению нормальных условий и спокойствия общественных мест, проявлению уважения ко всем окружающим.

Советский государственный (правовой) порядок — это самостоятельное социальное явление, производное от общественного порядка в широком смысле, сложившееся в результате реализации социалистических общественных отношений, представляющее собой совокупность системы порядка, почти в целом воплощенную в правовых нормах и регулируемую ими, служащую формой содействия упрочению общества, государства и государственных, общественных организаций и интересам отдельной личности в социалистическом обществе.

Как видим, общественный порядок в широком и узком смыслах, а также государственный порядок имеют общее сходство. В частности, они

¹⁶ Забелов С. М. Указ. автореф. С. 9.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. С. 356.

едины по своей классовой направленности, порождены одним базисом и относятся к одной надстройке, поскольку в них находят свое выражение одни и те же социальные факторы. Тем не менее по ряду признаков (в частности, по объемности, урегулированности, характеру общественных отношений, задач и т. д.) они отличаются друг от друга и от простого — конкретного порядка.

Так, общественный порядок в широком смысле складывается в результате реализации всех видов общественных отношений, регулируется всеми социальными нормами и служит интересам общества в целом. Общественный порядок в узком смысле в основном обеспечивает порядок в общественных местах и уважение к окружающим, а государственный порядок, почти в целом регулируемый правовыми нормами, служит прежде всего обеспечению интересов государства и его граждан. Следует также отметить, что новый подход к определению общественного порядка в широком и узком смыслах, а также государственного порядка, по нашему мнению, связан с рядом реальных, объективных обстоятельств.

Во-первых, общественный порядок исходит из порядка вообще, а общественные отношения, как таковые, не могут быть общественным порядком, и их системы не составляют общественный порядок любого вида.

Во-вторых, общественный порядок как результат реализации общественных отношений в основном отражается в обычно-нравственных, традиционных и правовых нормах.

Например, общественные отношения, бытующие в трудовых коллективах, со временем получают свое отражение в правовых нормах — законах. В Законе о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями, принятом Верховным Советом СССР 17 июня 1983 г., регулируются ранее сложившиеся общественные отношения трудовых коллективов. Порядок, сложившийся в сфере охраны общественного порядка на добровольных началах, — результат реализации общественных отношений в этих вопросах, также через определенное время отраженный в правовой норме — известном Указе Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка» и т. д.

Таким образом, воплощение результатов реализации общественных отношений в правовых или иных социальных нормах — явление закономерное. Поэтому нельзя путать факт воплощения результатов реализации общественных отношений в социальных нормах с самими общественными отношениями или их системами, а также социальными нормами, в том числе правовыми.

Следовательно, порядок, образованный в результате реализации общественных отношений, тоже не есть право или закон, или правовые нормы, а есть самостоятельное социальное явление — порядок или общественный порядок. Когда порядок или общественный порядок воплощается в правах, законах или в других социальных нормах, то он обязательно регулируется этими нормами. Соблюдение общественного порядка или части его, закрепленных в социальных нормах, соответственно обретает императивный характер. Это особенно прослеживается в урегулировании государственного порядка.

В-третьих, надо сказать, что судьба общественно-экономической формации, государства или спокойствие общественного места, проявление уважения к окружающим — отнюдь не зависят только от общественного порядка. Здесь решающую роль играют и другие социальные фак-

торы, объективные явления (экономические основы общества, порядок управления государством, состояние дисциплины и т. д.).

Важное значение для выяснения вопроса о соотношении общества, государства и общественного порядка имеет указание В. И. Ленина о том, что с революцией рушится старый общественный порядок и рождается новый¹⁸. Переход от социализма к коммунизму ведет, как отмечал В. И. Ленин, «к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей»¹⁹. Ф. Энгельс считал, что общественный порядок будет и при коммунизме. В работе «Принципы коммунизма» он писал: «Избыток производства, превышающий ближайшие потребности общества, вместо того чтобы порождать нищету, будет обеспечивать удовлетворение потребностей всех членов общества, будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Он явится условием и стимулом для дальнейшего прогресса и будет осуществлять этот прогресс, не приводя при этом, как раньше, к периодическому расстройству всего общественного порядка»²⁰.

Таким образом, общественный порядок (в широком и узком смысле) в основном связан с общественно-экономической формацией и занимает важное место в ее структуре. Независимо от воли государства он составляет неотъемлемую часть общественного строя.

Скажем, буржуазному общественному строю свойственны такие порядки, как частная собственность на средства производства, эксплуатация трудящихся, угнетение народных масс, безработица, паразитизм, неуклонный рост числа деклассированных элементов, преступности и т. д.

При социализме же, где существует общественная собственность на средства производства, объективно обусловлены ликвидация безработицы и нищеты, необходимость общественно полезного труда всех трудоспособных членов общества, отношения коллективизма и др. Некоторые же свойственные и буржуазному, и социалистическому строю элементы общественного порядка будут существовать при любом государстве, поскольку они присущи всякому общественному строю.

В общественном порядке (особенно в широком смысле) той или иной формации сохраняются отдельные порядки, свойственные предыдущим общественным строям, ибо они приемлемы для всех общественно-экономических формаций.

То же самое можно сказать о государственном (правовом) и общественном порядке в узком смысле. Хотя существует определенный тип общественного порядка, проявляющийся в каждом государстве в конкретной форме, специфика которой обусловлена рядом индивидуальных, свойственных данному государству особенностей, тем не менее определенные части их будут свойственны всем формам или типам государства.

По нашему мнению, было бы неверно в качестве элементов понятия общественного порядка указывать системы средств или механизмов его охраны, т. е. государственных органов, общественных органи-

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 11.

¹⁹ Там же. Т. 33. С. 49—50.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 334.

заций и т. д. Эти органы выполняют охранительные функции в системах общественного порядка.

Известно, что общественный порядок при социализме обладает особой прочностью, что обусловлено объективными факторами, прежде всего участием в его охране всех и каждого, а также характером экономической системы, базирующейся на общенародной собственности на средства производства, свободной от антагонистических противоречий между общественным характером труда и индивидуальным присвоением его результатов, от эксплуатации человека человеком, безработицы и др.

При социализме обеспечению охраны общественного порядка содействуют и мощные факторы субъективного свойства. Это прежде всего — партийное руководство всей общественной жизнью, которое закреплено в ст. 6 Конституции СССР. Закрепив в Основном Законе руководящее положение КПСС, советский народ на деле реализовал идеи В. И. Ленина, подчеркивавшего, что партии «мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи...»²¹ КПСС, осуществляя свою руководящую роль, органически сочетает коренные интересы общества и государства, всего народа и отдельных граждан в обеспечении охраны общественного порядка.

Руководящая роль КПСС опирается на незыблемый фундамент марксистско-ленинской теории и потому, как указывал В. И. Ленин, научно обоснованна²². Научный подход к установлению и укреплению общественного порядка, обеспечению его охраны позволяет использовать объективно существующие преимущества социалистического строя в этой области, принимать верные решения, сочетать необходимые действия органов государства и общественности, рационально опираться на помощь граждан. Разрабатываемые на научной основе практические меры выливаются в создание широкого фронта борьбы с нарушителями общественного порядка, в которой принимают участие государственные органы и общественные организации, администрация и трудовые коллективы²³.

Теснейшее взаимодействие общества и государства в деле упрочения социалистического общественного порядка и законности позволяет использовать не только законы и иные социальные нормы, но и такой мощный рычаг, как укрепление социалистической дисциплины во всех сферах жизни. Такая возможность существует потому, что при социализме достигается совпадение принципов и направленности права и нравственности, тогда как в эксплуататорском обществе цели законов государства, дисциплины труда и морали трудящихся противоположны в главном, коренном. «Старое общество, — писал В. И. Ленин, — было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чинов-

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 93.

²² Там же. Т. 41. С. 65.

²³ В соответствии со ст. 17 Закона о трудовых коллективах, они «принимают меры к воспитанию членов коллектива в духе... соблюдения законов и уважения правил социалистического общежития, бережного отношения к народному добру, непримиримости к пьянству, хулиганству, стяжательству и другим антиподам коммунистической морали».

ник, интеллигент, словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет»²⁴.

Если буржуазная мораль полностью поддерживает такой порядок, то коммунистическая мораль, которой соответствуют и советские законы, исходит из других принципов. Как указывал В. И. Ленин, коммунистическая нравственность объединяет трудящихся против всякой эксплуатации, против того, что нужно и выгодно буржуазии²⁵.

Всеобщая заинтересованность в охране социалистического общественного порядка и законности представляет собой одну из важных особенностей социалистического общества. Установление прочного и стабильного общественного порядка соответствует интересам любого честного члена социалистического общества. «...Если,— писал Ф. Энгельс,— даже теперь цивилизация научила людей видеть свой интерес в поддержании общественного порядка,... то насколько больше будет это иметь место в таком обществе, в котором ...общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица!»²⁶

И такое общество стало реальностью. Для него характерны общность интересов государства и народа, подлинная демократия, развитию которой КПСС и Советское государство уделяют особое внимание, что с новой силой подчеркнуто в материалах январского (1987) Пленума ЦК КПСС. Не случайно поэтому инициатива и действия правоохранительных органов в области охраны общественного порядка всегда получают полную поддержку со стороны членов социалистического общества. Это наглядно показывает всенародная борьба против пьянства и алкоголизма, тунеядства и нетрудовых доходов. Именно поэтому за сравнительно короткое время удалось добиться существенных успехов в этом деле, а вместе с тем — сокращения тяжких видов преступлений²⁷, значительного сокращения административных проступков и нарушений трудовой дисциплины.

Понятно, что напряженная работа в этом направлении еще только развертывается. Безусловно; необходимы дополнительные меры по искоренению антиобщественных явлений, всемерному укреплению социалистического общественного порядка в широком и узком смыслах и государственного порядка. Отсюда — актуальность дальнейшего глубокого исследования этих вопросов в трудах наших ученых-юристов с максимально широким выходом на решение жизненно важных практических задач.

Т. Умуров

ЖАМОАТЧИЛИК ТАРТИБИ ТУШУНЧАСИ ВА УНИ МУСТАҲҚАМЛАШ МАСАЛАЛАРИ

Мақолада «жамоат тартиби» тушунчаси ҳақидаги турлича қарашлар кўриб чиқилган. Муаллиф бу масалага ўз муносабатини баён қилади ва келажакда мамлакатимизда жамоат тартибини мустаҳкамлашнинг бир қатор томонларига тўхталиб ўтади.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 312.

²⁵ Там же. С. 311.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 538.

²⁷ См.: Социалистическая законность. 1986. № 1. С. 16.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В МЕХАНИЗАЦИИ ХЛОПКОВОДСТВА УЗБЕКИСТАНА (1976—1980)

С первых же дней Великого Октября Коммунистическая партия и Советское государство, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, обратили огромное внимание на раскрепощение женских масс и всемерное вовлечение их в строительство новой жизни. Особое значение придавалось обеспечению равноправия женщин Советского Востока. Важной вехой в этом деле стал «Худжум», 60-летие которого исполняется в нынешнем году. За истекший период проделана колоссальная работа по созданию всех необходимых условий для широкого развития социальной активности женских масс. Целый комплекс крупных мероприятий в этом направлении намечен в документах XXVII съезда КПСС.

Коммунистическая партия и Советское правительство, добиваясь максимально высокого уровня занятости женщин в народном хозяйстве, постоянно заботятся о создании оптимального режима для их творческого труда, успешного сочетания его с материнством, воспитанием детей.

В условиях Узбекистана особое значение придается вовлечению в общественное производство сельских женщин, прежде всего формированию из них кадров механизаторов, главным образом для ведущей отрасли орошаемого земледелия республики — хлопководства. Эти вопросы не сходят с повестки дня съездов Компартии Узбекистана, пленумов ЦК КПУз, служат предметом постоянной заботы партийных, советских, хозяйственных, общественных организаций.

В дальнейшем улучшении условий труда женщин-механизаторов большое значение имели льготы, предоставленные им в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 января 1969 г. «О более широком привлечении женщин к участию в квалифицированном труде в сельском хозяйстве»¹. В частности, для женщин, работающих на тракторах, комбайнах и сложных сельскохозяйственных машинах, нормы выработки снижались на 10% и на 12 дней увеличивалась продолжительность отпуска; с учетом дополнительных отпусков, установленных для трактористов-машинистов за непрерывный стаж работы по специальности в данном хозяйстве, продолжительность отпуска у женщин-механизаторов могла составлять 30 рабочих дней².

В 1975 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О снижении возраста для назначения пенсии по старости женщинам-механизаторам» им было предоставлено право ухода на пенсию по старости с 50 лет при общем трудовом стаже не менее 20 лет, в том числе не менее 15 лет работы в качестве тракториста-машиниста.

Много внимания уделяется росту и творческой активности женщин-механизаторов. Действенным средством массового вовлечения их в техническое творчество служат общественные смотры, слеты, внутри-

¹ См.: Постановление Совета Министров СССР от 14 января 1969 г. «О наиболее широком привлечении женщин к участию в квалифицированном труде в сельском хозяйстве//Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965—1974 гг.). М., 1975. С. 346—348.

² Там же.

хозяйственные и районные конкурсы на знание правил эксплуатации и обслуживания машин, безопасных условий труда и т. д. Из года в год набирает силу социалистическое соревнование за максимальное использование возможностей сельскохозяйственной техники, достижение рекордной выработки на уборке хлопка, за переходящие призы Трудовой Славы им. Турсуной Ахуновой, Паши Ангелиной.

Традиционными стали областные, районные слеты механиков-водителей, где подводятся итоги предшествующих сезонов, намечаются очередные задачи. Так, в принятом участниками Бухарского областного слета механиков-водителей (август 1979 г.) «Обращении ко всем механизаторам, колхозникам, рабочим совхозов, руководителям и специалистам сельского хозяйства» говорилось о значении широкого изучения и распространения опыта работы передовых механизаторов, лучших хозяйств области. В числе замечательных гвардейцев полей были названы и имена Героя Социалистического Труда Обиды Хамраевой из колхоза «Гулистан» Гиждуванского, Чиннигуль Джумановой из колхоза «Бухара» Каракульского, Туйбиби Бобоазаровой из колхоза «Москва» Кызылтепинского района³.

Важной формой морального и материального стимулирования лучших механизаторов стали Всесоюзные конкурсы механизаторов за высокопроизводительное использование техники.

Более двухсот молодых хлопкоробов страны съехались летом 1980 г. в Ташкент для участия в работе Всесоюзной школы механизаторов. Она была организована ЦК ВЛКСМ, Среднеазиатским отделением ВАСХНИЛ, Министерством сельского хозяйства УзССР и Научно-техническим обществом сельского хозяйства республики. Они обменялись опытом рациональной организации работ на машинном сборе урожая, высокопроизводительного использования техники.

Слушатели школы побывали в хлопководческих хозяйствах, на машиностроительных предприятиях, в научно-исследовательских учреждениях. Лучшим девушкам-механизаторам — победителям в социалистическом соревновании 1979 г. — были вручены призы Трудовой Славы имени дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Турсуной Ахуновой⁴.

В 1978 г. приз Трудовой Славы им. Т. Ахуновой был вручен 6 механикам Самаркандской области, в том числе Насвали Туракуловой из хатырчинского колхоза им. XXII партсъезда, Халпин Насыровой из джамбайского колхоза «Октябрь»⁵. По итогам 1979 г. на областном конкурсе на приз им. Т. Ахуновой дипломом лауреата была награждена Эркиной Кузиева — механик-водитель из джамбайского совхоза «Украина»⁶.

В результате принятых мер по повышению профессионально-квалификационного уровня женщин-механизаторов среди них росло число работников высокого класса. Например, в 1976 г. в колхозах УзССР среди женщин-машинистов, трактористов, комбайнеров работающих по 1-му классу было 2,8%, то в 1981 г. — 7%, по 2-му классу — соответственно 11,2 и 20,6%, а по 3-му классу — 72 и 65,1%. В совхозах УзССР в 1976 г. женщин — трактористов, машинистов, комбайнеров

³ Обращение участников областного слета механиков-водителей ко всем механизаторам, колхозникам, рабочим совхозов, руководителям и специалистам сельского хозяйства // Советская Бухара. 1979. 24 авг.

⁴ Всесоюзная школа хлопкоробов-механизаторов // Хлопководство. 1980. № 7. С. 18.

⁵ Лауреаты премии им. Турсуной Ахуновой // Ленинский путь. 1979. 5 окт.

⁶ Ленинский путь. 1980. 14 марта.

1-го класса было 7%, 2-го класса — 12,4, 3-го — 66,1%, а в 1981 г. — соответственно 12,9, около 22 и 65,1%⁷.

И все же уровень квалификации женщин-механизаторов в рассматриваемый период продолжал оставаться в среднем более низким, чем у мужчин. Так, если в 1976 г. в колхозах УзССР среди всех механизаторов имели 1 и 2-й классы 58,7%, а 3-й — 36,1%, то среди женщин — соответственно 13,9 и 72%. В 1981 г. соотношение несколько изменилось. Тем не менее, если удельный вес работников 1 и 2-го класса среди всех механизаторов составил 61,4%, 3-го класса — 35%, то среди женщин — соответственно 31,9 и 65,1%⁸.

Между тем высокая квалификация — необходимое условие не только высокопроизводительного труда, но и удовлетворения работой, более высокого заработка, роста благосостояния сельских женщин.

Сохранение разрыва в размерах среднемесячного заработка объяснялось и другими факторами, в частности неполной загруженностью в течение года. Среди женщин-механизаторов нередки случаи сезонного участия в хлопководстве, машинном сборе урожая, общие показатели отработанных человеко-дней за год бывают весьма низкими. Практика показывает, что женщины-механизаторы, работающие сезонно, обычно имеют лишь 3-й класс. Дальнейшее повышение квалификации и занятости женщин-механизаторов и ныне сохраняет свою актуальность.

Важнейшей проблемой является также закрепление женских механизаторских кадров в сельскохозяйственном производстве. Если в 70-е годы удалось несколько улучшить подготовку женских механизаторских кадров как по линии профессионально-технического образования, так и через курсовую систему, то их закрепление в сельскохозяйственном производстве находилось на неудовлетворительном уровне. Так, среди работников колхозов УзССР, окончивших СПТУ системы Госкомпрофтехобразования в 1976—1979 гг., закрепляемость среди трактористов-машинистов в 1976 г. была 58,9%, в том числе девушек — 77,2%, в 1977 г. — соответственно 39,5 и 77,1%, в 1978 г. — 10 и 69,2%, в 1979 г. — 26,5 и 58%. Хотя закрепляемость девушек-механизаторов была значительно выше, чем у мужчин, однако в целом в годы десятой пятилетки сохранялась тенденция снижения закрепляемости их на производстве⁹.

Характерным критерием закрепления кадров на селе служат и данные о стаже работающих. В десятой пятилетке среди женщин-механизаторов по этому показателю произошли существенные изменения. Если в 1976 г. стаж до 1 года имела почти треть состава женских кадров, то в 1981 г. — только 13,6%. Более чем втрое увеличилось число женщин со стажем свыше 10 лет. И все же 42,6% женских механизаторских кадров и в 1981 г. имели стаж до 3 лет, тогда как из общей массы механизаторов к этой группе относились лишь 22,8%; стаж от 5 лет и свыше в общем числе механизаторов имели 58,2%, а среди женщин — лишь 33,7%.

Итак, ведущей тенденцией оставалась текучесть кадров. Этот вывод подтверждается и результатами социологического обследования женского населения республики, проведенного в 1978 г. Институтом экономики АН УзССР. Опрос 83 тыс. работающих женщин из 7 областей УзССР позволил сделать следующие выводы:

⁷ Подсчитано по данным ЦСУ УзССР за 1976 и 1981 гг.

⁸ См. там же.

⁹ См.: Текущий архив Министерства сельского хозяйства УзССР. Данные за 1976—1979 гг.

индустриализация сельского хозяйства коренным образом меняет условия труда женщин. С повестки дня снимаются многие ручные работы, повышается производительность труда;

все большую привлекательность для женщин приобретают считавшиеся ранее в основном мужскими профессии трактористов, комбайнеров, машиниста-оператора. Подводя итоги обследования, ученые отметили: «Труд механизатора не является простым и легким, особенно по условиям, в которых он протекает. Однако при всех неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях труда, большинство женщин-механизаторов считают, что эта работа легче, чем ручной труд»¹⁰.

Вместе с тем обследование показало, что в колхозах республики женщины-механизаторы зачастую работают не по специальности, в чем сказываются и недооценка их роли, и отсутствие в отдельных районах необходимых условий для эффективного использования женского труда. А отсюда — и текучесть женских кадров.

На эти негативные моменты обращает внимание и пресса. Интересные данные привел, например, корреспондент газеты «Сирдарё хакикати» М. Ахмедов¹¹. Причины медленного роста числа последовательниц Турсуной Ахуновой в 1983—1985 гг. руководители Хавастского, Баяутского районных агропромышленных объединений и совхоза «Фархад» Хавастского района объясняли тем, что это — труд мужской, тяжелый и потому женщины оставляют свою специальность. Однако женщины — бывшие механизаторы, работающие теперь почтальонами, воспитательницами детских садов, высказали иное мнение: причины отсева зачастую заключаются в пренебрежительном отношении к женщинам-механизаторам: им не доверяют новые машины, не проявляют должного внимания к их запросам, во время хлопкоуборочной страды привлекают механизаторов со стороны и т. д.

Делегат XXI съезда Компартии Узбекистана, механизатор колхоза им. Чапаева Ургенчского района У. Балтаева, выступая на съезде, отмечала, что в области и районе медленно растут ряды женщин-механизаторов. И не потому, что их нет, — ежегодно много молодежи заканчивает механизаторские курсы. Однако они не работают по специальности, так как им не создается надлежащих культурно-бытовых условий, не хватает дошкольных учреждений и др.¹²

Как видно, закрепление женщин-механизаторов на производстве и ныне сохраняет свою остроту.

XVI пленум ЦК КПУз (июнь 1984 г.), обсудивший коренные проблемы деятельности партийной организации, кадровой политики партии, уделил особое внимание участию женщин в руководящей работе¹³. Отметив положительные моменты в решении этой задачи, пленум подверг серьезной критике деятельность партийных организаций ряда областей по воспитанию женских кадров. Особо отмечалась малочисленность женщин среди председателей колхозов и директоров совхозов, бригадиров и других руководящих работников. Пленум потребовал более смелого выдвижения женщин на руководящую работу, оказания им всемерной помощи¹⁴.

¹⁰ Социально-экономические проблемы использования женского труда в Узбекской ССР. Ташкент, 1980. С. 91, 101.

¹¹ Ахмедов Мамадали. Турсунойчи кизлар, каердасиз?//Сирдарё хакикати. 1984. 12 сент.

¹² См.: Правда Востока. 1986. 1 февр.

¹³ См.: Коммунист Узбекистана. 1984. № 7. С. 32.

¹⁴ Там же.

Вопрос об улучшении условий труда и быта женщин, повышении их трудовой и политической активности был предметом обсуждения на заседании Республиканского совета по работе среди женщин 29 декабря 1984 г. Наряду с определенными успехами, достигнутыми в этом направлении в республике, были отмечены и нерешенные вопросы, существенные недостатки, указано на то, что медленно улучшаются условия работы и отдыха тружениц, занятых в сельскохозяйственном производстве; немало неиспользованных резервов и упущений имеется в деле охраны материнства и детства. В принятых Советом рекомендациях намечены пути повышения эффективности работы среди женщин в свете требований партии, решений XVI пленума ЦК КПУз¹⁵.

Партия и правительство сделали немало для того, чтобы улучшить бытовые условия женщин, облегчить им дело воспитания детей. Однако, например, в 1981 г. обеспеченность детей работниц яслями составила 73%, детскими садами — 78%, пионерскими лагерями — 45%. Нехватка дошкольных учреждений отрицательно сказывается на участии женщин в производстве. Между тем планы строительства дошкольных учреждений систематически не выполнялись. В хозяйствах Сырдарьинской области обеспеченность дошкольными учреждениями составляла всего 23%, Хорезмской области — 33% и т. д.¹⁶

В кишлаках Узбекистана непрерывно растет сеть коммунально-бытовых учреждений, призванных облегчать домашний труд женщин. Однако их услугами охвачено еще незначительное число сельских тружениц.

Особую актуальность приобретает вопрос об улучшении условий труда и быта женщин, росте их творческой активности в свете задач ускорения социально-экономического развития страны, активизации человеческого фактора, поставленных XXVII съездом КПСС, январским (1987) Пленумом ЦК КПСС.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии указано на необходимость создания «таких условий труда и быта женщин, которые позволяли бы успешно сочетать материнство с активным участием в трудовой и общественной деятельности. В двенадцатой пятилетке намечается шире применять для женщин неполный рабочий день или сокращенную неделю, работу на дому. Увеличится продолжительность оплачиваемого отпуска женщинам-матерям по уходу за ребенком до достижения им полутора лет, а также число оплачиваемых дней при болезни ребенка. Малообеспеченные семьи станут получать пособия на детей в возрасте до 12 лет. Ставится задача уже в ближайшие годы полностью удовлетворить потребности населения в детских дошкольных учреждениях»¹⁷.

В постановлении январского (1987) Пленума ЦК КПСС особо отмечено: «Принципиально важным Пленум считает выдвижение женщин на руководящие посты на всех уровнях управления и во всех сферах жизнедеятельности общества»¹⁸.

В свете этих указаний представляется целесообразным усилить внимание и к выдвижению женщин на руководящую работу на тех участках, которые непосредственно связаны с механизацией сельского хозяйства и подготовкой механизаторских кадров. На наш взгляд, это

¹⁵ Правда Востока. 1984. 30 дек.

¹⁶ Текущий архив Узсовпрофа за 1982 г.

¹⁷ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 52.

¹⁸ Правда. 1987. 29 янв.

будет способствовать созданию благоприятных условий для более быстрого роста женских кадров механизаторов сельского хозяйства, повышения их профессионального мастерства и творческой активности в борьбе за увеличение производства хлопка и другой продукции в колхозах и совхозах УзССР.

У. С. Эрбўтаева

**УЗБЕКИСТОН ХОТИН-ҚИЗЛАРИНИНГ ПАХТАЧИЛИКНИ
МЕХАНИЗАЦИЯЛАШДАГИ ИШТИРОКИГА ДОИР БАЪЗИ МАСАЛАЛАР
(1976—1980)**

Мақолада Ўзбекистонда пахтачиликни механизациялашда хотин-қиз кадрларнинг иштироки, уларни тайёрлаш, маҳоратларини ошириш ва бу ишда йўл қўйилган камчиликлар ва уларни бартараф этиш чоралари ҳақида сўз юритилади.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

**ОТСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПЕРЕВОСПИТАНИИ ПРАВОНАРУШИТЕЛЯ**

В материалах XXVII съезда КПСС особое внимание уделено проблемам коммунистического воспитания молодежи. Партией предусмотрен широкий комплекс средств воспитательной работы с подрастающим поколением, среди которых видное место занимают и нормы социалистического права, в том числе уголовного законодательства.

Так, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ориентируют судебно-следственные органы на освобождение от уголовного преследования и передачу для исправления молодых людей, совершивших преступления, не представляющие большой социальной опасности, и на преимущественное применение мер, не связанных с лишением свободы. Именно этим целям и служит институт отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему.

Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему — это особая форма реализации социальной, уголовной и уголовно-процессуальной политики. Она выявляет самостоятельную эффективность ст. 39¹ Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 44¹ УК УзССР), но тесно соприкасается с результатами воздействия судебного приговора, деятельности всех правоприменительных органов и общественных организаций.

Применение отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему состоит из: решения суда о применении отсрочки виновному; деятельности указанных в законе государственных органов, трудовых коллективов, общественных организаций и воспитателей по контролю за поведением осужденных, наблюдению за ними и проведению воспитательной работы; решения суда по месту жительства осужденного об освобождении его от наказания или отмене отсрочки.

Согласно ст. 44¹ УК УзССР, суд может отсрочить исполнение приговора несовершеннолетнему с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, его возраста и иных обстоятельств дела, а также возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества.

При отсрочке исполнения приговора суд может обязать осужденного в определенный срок устранить причиненный вред, поступить на работу или учебу, не менять без согласия органа внутренних дел место жительства, уведомлять его об изменении места работы или учебы, периодически являться для регистрации в орган внутренних дел. Суд может возложить на определенный трудовой коллектив или лицо, с их согласия, обязанность по наблюдению за осужденным и проведению с ним воспитательной работы. Контроль за поведением несовершеннолетнего осужденного, в отношении которого исполнение приговора к лишению свободы отсрочено, осуществляется органами внутренних дел и комиссиями по делам несовершеннолетних при исполкоммах районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов.

По истечении срока отсрочки исполнения приговора суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного, в зависимости от его отношения к труду или обучению, поведения в течение установленного судом срока отсрочки исполнения приговора, выносит определение об освобождении осужденного от наказания либо о направлении его для отбывания лишения свободы, назначенного приговором.

Системно-структурный анализ отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему раскрывает связь социальных (объективных) и правовых (субъективных) элементов уголовно-правовой нормы. Это означает, что советское законодательство определенным образом воздействует на формирование, развитие и упрочение нравственных качеств виновного, с одной стороны, а с другой, — сложившиеся в общественном государстве нравственные основы активно влияют на принятие и совершенствование законодательства.

Показателем эффективности ст. 44¹ УК УзССР служат ее применение и соблюдение. Социальная ценность приговора проявляется в отражении элементов общественного должностования и общенародных интересов.

Речь идет не только об осознании и совершенствовании ценности отсрочки исполнения приговора, а о создании новой системы оценок эффективности применения данной нормы права.

Эффективность отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему может не проявиться, если в отношении осужденного своевременно не были приняты действенные меры воспитательного характера и не реализованы нормативные акты, связанные с социально-правовой природой данного наказания.

Очень важно, чтобы государственные органы, общественные организации, трудовые коллективы, общественность, все, кто соприкасается с несовершеннолетним правонарушителем в период отсрочки исполнения приговора, приложили максимум усилий к перевоспитанию и исправлению несовершеннолетнего правонарушителя, формированию у него должного правового сознания, приобщению его к здоровым, нормальным правоотношениям.

Научный поиск по основным направлениям «социологии антиобщественных явлений»¹ открывает широкие возможности и для определения эффективности применения отсрочки исполнения приговора несовершеннолетним. Рассматривая ее в аспекте мер по предупреждению правонарушений и других антиобщественных явлений, важно изучать ее эффективность по конкретным категориям уголовных дел в районе, городе, республике, области. Это приводит нас к выводу о том, что проводимая посредством отсрочки исполнения приговора несовершеннолетним профилактика распространяется на всю совокупность социально-экономических, идейно-политических, правовых, морально-психологических явлений, обуславливающих мотивизацию поведения субъектов. Именно поэтому меры профилактики в отношении подростков, совершивших преступления, призваны охватывать и трудовые, и социально-политические, и духовные отношения.

Особое значение приобретает изучение типологических черт личности, психологии индивидуального и группового поведения², форм и методов социального контроля, особенно на уровне трудового коллектива.

В постановлении № 1 пленума Верховного Суда СССР «О задачах судов в свете решений XXVI съезда КПСС» обращается внимание на то, чтобы суды более внимательно подходили к выбору вида и размера наказания несовершеннолетним, исключили из практики необоснованное назначение лишения свободы, если исправление виновного может быть достигнуто без изоляции от общества³.

Тенденция развития социалистического общества такова, что непрерывно повышается роль общественности в борьбе с любыми антиобщественными явлениями и создаются условия для того, чтобы в конечном счете меры замены меры уголовного наказания мерами общественного воздействия и воспитания. В свете этих задач огромное значение имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР⁴ от 15 февраля 1977 г., дополнивший Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик ст. 39¹, предоставив возможность применения к несовершеннолетним, осужденным к лишению свободы сроком до трех лет, отсрочки исполнения приговора⁵.

В литературе вполне обоснованно отмечается, что введение этого института свидетельствует о стремлении законодателя еще более дифференцировать формы реализации уголовной ответственности, повысить эффективность процесса исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, без изоляции их от общества, в условиях контроля со стороны правоприменительных органов, трудовых коллективов и широкого привлечения общественности⁶.

Новая редакция ст. 39¹ Основ существенно расширила сферу отсрочки исполнения приговора, основания ее применения, повысила минимальную продолжитель-

¹ См.: Миньковский Г. М. Предмет криминологической профилактики преступлений и некоторые проблемы ее эффективности//Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972. С. 20.

² См.: Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивизация преступного поведения. Горький, 1974. С. 127; Ковалев А. Г. Коллектив и социально-психологические проблемы руководства. М., 1975. С. 48—76, 127—144; и др.

³ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1981. № 3. С. 5.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 8. Ст. 137.

⁵ Здесь и в дальнейшем, если не оговорено особо, следует иметь в виду ст. 44¹ УК УзССР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

⁶ См.: Анашкин Г. Практика применения судами отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему//Советская юстиция. 1981. № 6. С. 7; Ераксин В. Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему//Советская юстиция. 1977. № 15. С. 22.

ность срока отсрочки, расширила круг обязанностей, которые могут быть возложены судом, уточнила порядок решения вопроса о последствиях невыполнения условий отсрочки.

Изучение статистических данных показывает, что новый правовой институт положительно проявил себя на практике; уровень повторной преступности среди несовершеннолетних, осужденных к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, значительно ниже, чем среди вернувшихся из воспитательно-трудовой колонии.

Например, уже в первом полугодии 1985 г. во многих регионах страны, как в Азербайджанской, Грузинской, Литовской ССР, Татарской, Чувашской, Якутской АССР, Белгородской, Курской, Орловской и некоторых других областях, не совершали повторных преступлений 98—99% подростков, осужденных с отсрочкой исполнения приговора⁷.

Эти факты свидетельствуют о значимости применения данной нормы в целях профилактики преступлений и правового воспитания молодежи.

Г. Р. Арипова

⁷ См.: Штейнбрик Б. Я. Пошел слух//Литературная газета. 1985. 4 дек.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССОЦИАЦИИ ПРОГРЕССИВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ИНДИИ

В 1986 г. индийская общественность широко отметила 50-летие со дня основания Ассоциации прогрессивных писателей Индии (АППИ). Юбилейные торжества возглавили выдающиеся мастера индийской культуры — Г. Р. Табаи, Кайфи Азми, Мульк Радж Ананд. Местом проведения торжественной конференции Национальной федерации прогрессивных писателей Индии в честь «золотого» юбилея АППИ стал г. Лакхнау. Почетными гостями конференции были представители Бангладеш, Пакистана, Непала, Великобритании, США¹.

На страницах еженедельника «New Age», органа Компартии Индии, с серией статей выступил старейший общественный и литературный деятель Индии Раджив Саксена, стоявший у истоков прогрессивной организации писателей². Он указал на огромную роль АППИ в развитии реалистической литературы на национальных языках Индии, а также отметил искусство талантливых писателей и поэтов, отражавших в своем творчестве актуальные политические и социальные проблемы, затрагивающие жизненные интересы широких народных масс.

Зарождению и первым шагам АППИ, отдельным аспектам ее деятельности посвятили интересные страницы в своих мемуарах поэты урду Саджад Захир и Али Сардар Джафри, ветераны движения прогрессивных писателей Индии³.

В советской индологии к вопросам истории этой крупнейшей литературной организации обращались Е. П. Чельшев, В. И. Балли, Р. К. Каюмова, С. А. Сухочев, Л. В. Еремян⁴.

К сожалению, недоступность многих документальных материалов и первоисточников затрудняет создание монументального труда по истории АППИ, отражающего сложный путь развития прогрессивной литературы Индии.

Обращаясь к деятельности АППИ за 50 лет ее существования, следует акцентировать внимание не на тех или иных просчетах, допущенных этой организацией, а на тех новых, прогрессивных тенденциях и направлениях, которые она утвердила в индийской литературе. Не забывая о необходимости критического подхода к наследию АППИ в целом, надо в первую очередь отметить заслуги ее активных деятелей, чье творчество вошло в сокровищницу не только индийской, но и мировой культуры.

Движение прогрессивных писателей зародилось в Индии в 30-е годы XX в., отмеченные подъемом национально-освободительного движения в стране, обостре-

¹ New Age. 1986. 16 March. P. 11; 20 April. P. 11.

² New Age. 1986. 6 April. P. 11; 20 April. P. 11.

³ Саджад Захир. Избранное. М., 1960; Джафри Али Сардар. Таракки пасанд адаб. Алигарх, 1961 (на урду).

⁴ Чельшев Е. П. Литература хинди. М., 1968; Его же. Современная индийская литература. М., 1981; Балли В. И. Премчанд — новеллист. Л., 1973; Каюмова Р. К. К характеристике этапов творческого пути Кришана Чандара// Краткие сообщения Института народов Азии (АН СССР); Литературоведение. Индия. Пакистан. Афганистан. М., 1965. № 80. С. 116—125; Сухочев А. С. Кришан Чандар. М., 1983; Еремян Л. В. Из истории прогрессивной эстетической мысли Индии. Ташкент, 1977.

нием классовых противоречий, растущим протестом против колониализма и реакции.

Почти во всех национальных литературах Индии наблюдается в эти годы усиление интереса к жизни трудового народа. Героями многих художественных произведений выступают представители трудящихся — рабочие и крестьяне.

Огромную роль в распространении демократических идей в стране сыграли такие факторы, как успехи социалистического строительства в СССР, ознакомление прогрессивных кругов Индии с передовой общественно-политической мыслью других стран, широкий фронт антифашистской борьбы в Европе, консолидация честных людей всей планеты перед нависшей над миром угрозой. Приход фашизма к власти в Германии и Италии, история первой мировой войны, решения международной конференции писателей в защиту культуры (Париж, май, 1935 г.) еще раз подтвердили настоятельную необходимость объединения всех прогрессивных сил в борьбе с реакцией и фашизмом.

Незадолго до Парижской конференции группа индийских ученых, преподавателей и студентов, проживавших в Лондоне, под руководством Саджада Захира и Мульк Радж Ананда предпринимает первые шаги по созданию АППИ. Комитет по организации АППИ принял проект первого манифеста будущей Ассоциации, который был распространен среди литераторов за несколько месяцев до созыва конференции, горячо обсуждался и получил признание со стороны крупнейших мастеров слова.

Большую работу по пропаганде создания Ассоциации в различных штатах Индии проделали поэт урду Фанз Ахмад Фаиз, писатель-коммунист Махмуд аль-Зафар и его жена, писательница Рашида Джехан, публицист и историк Хирен Муксрджи и др.

Впоследствии выдающийся поэт, участник национально-освободительной борьбы против британского колониализма, первый Генеральный секретарь АППИ Саджад Захир вспоминал, как инициаторы создания АППИ устанавливали связи с собратьями по перу во многих городах Индии, добивались объединения с представителями всех национальных литератур с целью организации кружков прогрессивных писателей. «Я считал, — писал он, — что нам нужна такая культура и литература, которая выявила бы свободолобивые настроения, стремление к свету, к разуму, к знанию у каждого из народов и этнических групп, населяющих нашу огромную страну. Мы хотели избавиться от развешивающего влияния религиозной розни и предрассудков феодального периода, потому что именно они были идейной основой не только феодализма, но и империализма. Мы помнили о нашем великом прошлом и стремились возродить гуманизм нашей древней культуры, ее демократизм, ее миролюбивость, ее красоту. В то же время мы категорически отвергали ее застойность, обскурантизм, стремление уклониться от реальности, ее дурманящий и порочный идеализм»⁵.

Группа молодых поэтов и прозаиков, обратившаяся за помощью к выдающимся мастерам старшего поколения Джошу Малихабади, Абдул Хаку, Премчанду, подчеркивала, что важнейшая задача литературы — утверждать гуманизм, дух единства и свободоловие. бороться против угнетателей, выступать за демократические преобразования, разоблачать невежество, предрассудки. И маститые художники слова протянули молодым деятелям культуры руку помощи, ободлив их перед легкой дорогой.

Первая конференция прогрессивных писателей Индии, в которой приняли участие и видные общественные деятели страны, начала свою работу 9 апреля 1936 г. в Лакхнау. Открывая конференцию, основоположник критического реализма в прозе хинди и урду Премчанд отметил, что она «является знаменательным событием в истории индийской литературы». Цели и задачи первой общендийской писательской организации были сформулированы в речи Премчанда, которая заканчивалась словами: «Нам предстоит создать литературу, в которой будут глубина, свободоловие, чувство прекрасного, дух созидания, понимание действительности. Наша литература должна будить в нас энергию, насыщать воздух бунтом и беспокойством, а не убаюкивать, потому что для нас сейчас сон подобен смерти»⁶.

Одной из своих главных задач Ассоциация считала упрочение связи литературы с борьбой народа за независимость и социальный прогресс. Об этом красноречиво свидетельствуют принятые на I конференции АППИ две резолюции, одна из которых призывала к борьбе против империализма и разжигаемых им войн, а вторая — требовала защиты демократического права на свободу слова»⁷.

Многие писатели и поэты, активно включившиеся в работу Ассоциации, восприняли ее решения как программу действия. Их произведения, правдиво отражавшие мечты и чаяния угнетенного народа, пробуждали массы к участию в национально-освободительной борьбе.

⁵ Саджад Захир. Указ. соч. С. 201.

⁶ Премчанд. Цель литературы. Аллахабад, 1954. С. 22 (на хинди).

⁷ Саджад Захир. Указ. соч. С. 297.

Социально-политическая и культурная обстановка в стране способствовала тому, что идеи прогрессивного движения в литературе и искусстве нашли горячий отклик во всех уголках страны. Во многих городах были созданы филиалы Ассоциации.

Ассоциация прогрессивных писателей Индии, объединившая в единый фронт демократически настроенных представителей творческой интеллигенции, выработала на своей первой конференции основные принципы прогрессивной литературы, определила свое отношение к представителям других литературных направлений. Крупнейшие деятели прогрессивного движения: Саджад Захир, Маджнун Горакпури и другие — проделали огромную работу по разоблачению реакционной сущности натурализма, декадентства и модернизма, отстаивая реалистическое искусство.

Вторая конференция АППИ, состоявшаяся в декабре 1938 г. в Калькутте, подвела итоги работы АППИ за прошедший период, пыталась улучшить организационные формы работы писателей. На конференции была зачитана приветственная речь Рабиндраната Тагора. Участники ее обсудили новые произведения прогрессивных писателей Индии. Известный прозаик К. Чандар, секретарь пенджабского отделения АППИ, сделал сообщение о его работе.

В 1941—1942 гг. в индийской литературе появились новые имена: Ахмада Надима Касми, Азиза Ахмада, Кайфи Азми, Сахира Лудхианви, Мумтаза Хусейна, Яшпала и других, — внесших большой вклад в развитие современной реалистической поэзии и прозы Индии.

В 1943 г. в Бомбее состоялась третья конференция Ассоциации, сыгравшая большую роль в дальнейшем росте движения прогрессивных литераторов. Много внимания было уделено усилению связи литературы с актуальными проблемами внутренней жизни страны и международной обстановки, вопросам народности литературы. Участники конференции единодушно приняли резолюцию, в которой важнейшей задачей художников слова признавалось разоблачение фашизма и реакции, развязавших вторую мировую войну.

После конференции 1943 г. ряды прогрессивных писателей еще более сплотились, в их творчестве сильнее стала звучать тема борьбы против империализма.

Индийские писатели все больше знакомились с советской литературой. Так, Раджендра Сингх Беди, Кришан Чандар, Саодат Хасан Манто, Али Сардар Джафри отмечали огромное влияние на них творчества М. Горького. Интерес к советской литературе и ознакомление с нею помогал прогрессивным писателям бороться с реакционными течениями в литературе, укрепляя веру в необходимость творить для народа.

После третьей конференции АППИ по предложению крупного литературоведа Ахтара Хусейна Райпури впервые родилась новая форма общения писателей с народом — чтение рассказов, стихов на многотысячных собраниях и митингах, среди рабочих и крестьянских масс. Традиционные состязания поэтов (мушаира и кависамелан) обрели новое содержание и форму. Это способствовало не только популяризации прогрессивной литературы, но также усилению народности художественных произведений, авторы которых обращались непосредственно к жизни народа, поднимали волнующие его проблемы.

Крепли связи Ассоциации с другими общественными организациями страны — Всеиндийским конгрессом профсоюзов, крестьянскими и студенческими союзами, Индийской ассоциацией народных театров.

Члены АППИ принимали активное участие в многочисленных антивоенных демонстрациях, нередко выступая их инициаторами. Влияние Ассоциации росло год от года вплоть до раздела Индии на два доминиона.

Освобождение Индии в 1947 г. от колониального гнета, за которое боролись прогрессивные писатели страны, не могло разрешить все социальные противоречия, что вызвало известную растерянность среди членов АППИ.

Спровоцированная английскими колонизаторами индусско-мусульманская резня страшным бедствием обрушилась на Индию. Миллионы людей, оставшихся без крова и имущества, скитались по стране в поисках пристанища и куска хлеба. Эта трагедия нашла отражение в творчестве многих писателей, прежде всего Пенджаба и Бенгалии, население которых больше всего пострадало во время раздела страны.

Мульк Радж Ананд, Саджад Захир, А. С. Джафри, Яшпал, Кришан Чандар, Амрита Притам и другие в своих произведениях объективно отразили истинные причины охвативших Индию погромов, разоблачая интриги британского империализма.

Однако к началу 50-х годов в рядах прогрессивного движения по отношению ко многим общественно-политическим и идейно-эстетическим вопросам было утрачено единство взглядов, что объяснялось разногласиями в выборе путей дальнейшего развития страны.

Руководство Ассоциации не смогло направлять ее деятельность. Настоятельно зрела необходимость в созыве новой конференции.

В работе четвертой конференции АППИ, состоявшейся в мае 1949 г. в Бомбее, особенно остро отразилась сектантская замкнутость ядра Ассоциации. Раньше, несмотря на возражения некоторых крайне левых элементов, членами Ассоциации были писатели с различным мировоззрением, но всех их сближало нетерпимое отношение к пережиткам феодализма в стране и к ее угнетенному положению. Теперь ставился вопрос о принадлежности писателя к прогрессивной или реакционной группе, что исключало возможность сотрудничества писателей, стоявших на различных идейных позициях. Ряды АППИ поредели.

На этой же конференции по предложению литературоведа Рамвиласа Шармы критерием прогрессивности произведения были признаны его социальная направленность и злободневность, что привело, однако, к негативным явлениям в прогрессивной литературе — художественные произведения стали часто подменяться пропагандистскими статьями.

Вследствие упомянутых причин были подорваны основные принципы организации, что привело к значительному спаду движения.

В 1951 г. в Патне состоялась пятая конференция АППИ, вновь подтвердившая ошибочные решения четвертой конференции.

На шестой конференции АППИ (Дели, март 1953 г.) был принят новый Манифест, отменивший предыдущий как ошибочный. Манифест призвал всех демократических писателей страны объединиться для служения своему народу.

С конца 50-х годов в индийской литературе получает отражение все более ускоряющийся процесс поляризации различных идеологических сил. Если в период, непосредственно предшествовавший освобождению Индии от колониальной зависимости, писателей различной идейно-эстетической ориентации сплавивали общие цели и интересы борьбы за национальную независимость, то с освобождением страны эти цели оказались в принципе достигнутыми. Литературная жизнь все более усложняется, проявляются новые течения и направления.

Лучшие традиции АППИ были возрождены в 1975 г. Национальной федерацией прогрессивных писателей Индии, Генеральным секретарем которой является замечательный прозаик Бхишам Сахни.

Таким образом, АППИ сыграла огромную роль в утверждении прогрессивных тенденций в литературах Индии, заложила прочную основу для развития реалистического направления.

Творчество лучших индийских писателей и поэтов давно уже стало достоянием массового советского читателя. На языки различных народов СССР переведены книги многих современных литераторов Индии. В Узбекистане в переводах на русский, узбекский, каракалпакский языки издаются произведения Премчанда, Яшпала, Кришана Чандара, Мулька Раджа Ананда, Бхишама Сахни и др. Прогрессивная литература Индии, творчество ее замечательных представителей изучаются в Институте востоковедения АН УзССР, на восточном факультете ТашГУ им. В. И. Ленина и т. д.

Передовых индийских литераторов, многие из которых были активными членами АППИ, всегда глубоко волновала проблема сохранения мира. По их инициативе в 1956 г. в Дели была созвана конференция писателей Азии, в ходе которой родилась идея писательского движения стран Азии и Африки. По предложению советских представителей было решено провести в СССР конференцию писателей двух континентов, которая и состоялась в октябре 1958 г. в Ташкенте. На ней была единодушно принята Декларация, в которой излагалась антиколониальная и антиимпериалистическая программа писательского движения. Конференция положила начало дальнейшему сплочению прогрессивных писателей, усилению их борьбы с империализмом и неокolonизмом. И в этом массовом движении все активнее участвуют прогрессивные писатели Индии, отмечающей в нынешнем году 40-летний юбилей своего независимого развития.

Д. К. Бекаева

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Раннежелезный век (в дальнейшем РЖВ) — важный этап в первобытной истории Средней Азии, время существенных перемен в социально-экономической жизни и культуре ее обитателей. На территории нынешнего Узбекистана археологические комплексы поры РЖВ известны в четырех древних историко-культурных областях: в долине Сурхандарьи, на землях Северной Бактрии¹, в долинах Кашкадарьи и Зе-

¹ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.

равшана, на территории Согда², в Фергане³ и Ташкентском оазисе⁴. Все эти районы, несмотря на самобытные черты в их культуре, могут быть сведены в единую группу по распространению в них глиняной посуды с расписным орнаментом, в группу сходных и близких культур поздней расписной керамики.

Вместе с тем имеющиеся материалы позволяют говорить о своеобразии исторических процессов в каждой из этих областей. В Северной Бактрии комплексы Кучук I и Кызыл I предшествуют поселению позднего этапа сапаллинской культуры эпохи поздней бронзы, что наложило заметный отпечаток на материальную культуру РЖВ. В Согде после исчезновения древнеземледельческой культуры Саразма наступает разрыв, и поселения с расписной керамикой РЖВ типа Чиракчи и др. не имеют местных корней. Оседлоземледельческие памятники предшествующего периода отсутствуют и в Фергане. В местной шкале относительной хронологии чустская культура Ферганы отнесена к эпохе поздней бронзы. Но по абсолютным датам она одновременно комплексам РЖВ Бактрии, Согда, а также Маргианы и Северной Парфии. Более поздним временем обычно датируют бургулюкские памятники Ташкентского оазиса.

Все перечисленные культуры поздней расписной керамики резко отличаются от синхронных памятников Приаралья, которые занимают особое положение. Памятники амирабадской культуры по относительной хронологии Хорезма принадлежат эпохе поздней бронзы. Датируются же они X—VIII вв. до н. э.⁵ и, следовательно, одновременно культурам поздней расписной керамики РЖВ. Своеобразие всего облика культуры амирабадских поселений указывает на то, что земледельцы и скотоводы Южного Приаралья относятся к иному хозяйственно-культурному кругу и составляют степную периферию.

Уже такой общий обзор культур РЖВ показывает сложную картину, характерную для территории Узбекистана того времени, которая наглядно отражает проявление закона неравномерности историко-культурного развития.

Остановимся на рассмотрении памятников оседлоземледельческого населения с расписной керамикой. В изучении их за последние два десятилетия достигнуты значительные успехи. Наиболее дискуссионны проблемы хронологии, синхронизации и периодизации археологических культур разных областей.

Отметим три обстоятельства, которые надо учитывать при решении этих спорных вопросов:

1. В археологии РЖВ Средней Азии опорной для определения хронологии служит стратиграфическая шкала Яз-Депе в Маргиане. Относительная последовательность выделенных здесь трех этапов сомнений не вызывает. Однако В. М. Массон, разработавший периодизацию Яз-Депе, особо оговорил, что предложенные абсолютные даты «в значительной степени условны, но эта условность отражает состояние изучения имеющихся материалов»⁶. С тех пор новых датирующих находок для этапа Яз-Депе I найдено мало, и абсолютная дата его по-прежнему нуждается в дополнительном обосновании.

2. Проблемная ситуация в абсолютной хронологии РЖВ обострилась в связи с изменениями в радиоуглеродном методе датирования. Использование новой корректировки привело к значительному удревнению многих дат по C¹⁴, в частности Кучука и чустской культуры Ферганы⁷.

3. По вопросам хронологии и периодизации РЖВ в литературе высказаны противоречивые мнения; при этом часто рассматриваются не все имеющиеся данные, а лишь часть их. В этом отношении особенно показательна серия работ А. С. Сагдуллаева, посвященная некоторым общим вопросам хронологии и периодизации РЖВ⁸. Здесь мы подробнее остановимся на последней его публикации — «О соот-

² Дуке Х. Чиракчинское поселение // История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ). Вып. 17. Ташкент, 1982; Исмаилов М. Х. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана // Там же.

³ Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: Автореф. докт. дис. М., 1978; Заднепровский Ю. А., Матбабасов Б. Х. Основные итоги изучения Чустского поселения в Фергане (1950—1982 гг.) // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.

⁴ Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.

⁵ Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья (II — начало первого тысячелетия до н. э.). М., 1977.

⁶ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы // Материалы и исследования по археологии СССР. 73. М.; Л., 1959.

⁷ Kohl Ph. Central Asia: Paleolithic beginnings to the Iron Age. Paris, 1984.

⁸ Сагдуллаев А. С. Раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылча 6 // Советская археология (СА). 1980. № 2; Его же. Заметки о раннем железном веке Средней Азии // СА. 1982. № 2; Его же. О культурных связях Северной Бактрии с областью Чача до середины I тыс. до н. э. // Материалы по археологии Средней Азии: Сб. науч. трудов ТашГУ. № 707. Ташкент, 1983.

ношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии⁹. В ней он, основываясь на материалах своих весьма скромных по масштабу раскопок в долине Сурхандарьи, затрагивает и пересматривает широкий круг вопросов о сходстве и соотношении культуры населения Северной Бактрии и Ферганы, о чустской культурной общности, пердатуровке чустских поселений Ферганы, а попутно — бургунских памятников Ташкентского оазиса и др. Рассмотрим, как автору удалось справиться со всем этим

1. Комплекс керамики и вопросы хронологии и периодизации РЖВ Бактрии. Автор придает большое значение изучению лепной керамики и приходит к принципиальному заключению, что она не всегда является надежной основой датировки (с. 25). Но далее, противореча себе и не приводя каких-либо доводов, он решительно утверждает только на основании находок лепной неорнаментированной посуды типа Кызыл I о существовании в Бактрии комплексов рубежа II—I тыс. до н. э. К этому же времени, видимо, относится небольшое количество расписной керамики (с. 29). Составляют ли эти две разновидности единый комплекс — неясно, ибо на другой странице автор сообщает, что в нижних слоях Бандыхантепе I образцы с росписью отсутствуют, а в Кучуке они встречаются в 4-м горизонте чаще, чем в нижеследующих. Из этого сделан весьма важный вывод, что расписная керамика появляется позднее и представляет далеко не ранний этап развития керамики начала I тыс. до н. э. (с. 24).

Хронология, как видим, весьма неопределенна, но очевидно, что эти находки относятся к более позднему времени, чем рубеж II—I тыс. до н. э. Следовательно, они различаются хронологически и представляют разные этапы, так сказать, новой периодизации.

Для рубежа II—I тыс. до н. э. А. С. Сагдуллаев перечисляет, по крайней мере, 5 пунктов, где обнаружена расписная керамика. Поэтому имеются достаточные основания полагать, что в Северной Бактрии, как и в соседних областях, она появляется на начальном этапе. В этой связи странно, почему автор противопоставляет Фергану, где роспись чаще представлена в нижних слоях Дальварзина, а в Бактрии — наоборот (с. 26).

Методически ошибочно разрывать единый керамический комплекс на составные части (лепная, лепная расписная и станковая керамика) и рассматривать их по отдельности. Неправильно также отрывать от керамики изделия из бронзы, камня и кости, которые в совокупности с керамикой и данными о поселениях, жилищах, погребениях и др. образуют культурный комплекс, характерный для определенной территории в конкретный период. Именно эти комплексы, главным образом комплексы керамики, служат основанием хронологии.

Известно, что датированных находок для РЖВ Бактрии немного и потому вопросы хронологии и периодизации до сих пор остаются дискуссионными. Для начального этапа — рубежа II—I тыс. до н. э. — подобные материалы, очевидно, отсутствуют вовсе. В статье упомянуты бронзовые наконечники стрел, серпы и ножи, а также единичные каменные серпы, обнаруженные в Кучук II (VIII—VII вв.) и в Кызыл-тепе (VII—V вв. до н. э.). Следовательно, они существовали здесь на протяжении длительного времени — около четырех столетий. Напомним, что нижележащие слои Кучук I А. А. Аскарлов и Л. И. Альбаум датировали X—VIII вв. до н. э.¹⁰ Автор нигде не упоминает об этой дате Кучук I. Естественно, возникает вопрос о соотношении комплексов Кызыл I (рубеж II—I тыс. до н. э.) и Кучук I, на который ответа у автора мы не находим.

В условиях слабой разработанности хронологии А. С. Сагдуллаеву прежде всего следовало разобраться в своих материалах, описать свои поселения, стратиграфию, находки, а затем определить место их в существующих периодизациях РЖВ Бактрии. Последние, особенно шкала Кызыл-тепе, как верно отметил в 1985 г. В. И. Сариниди, вызывают серьезные возражения. Предложенные им уточнения, в частности синхронизация материалов Кучук I и Кызыл I с поздним этапом Яз II, также нельзя считать окончательным решением вопроса. В итоге можно констатировать следующее:

1. В настоящее время по данным А. С. Сагдуллаева установлена только относительная последовательность этапов РЖВ (рубеж II—I тыс. до н. э., VIII—VII и VII—V вв. до н. э.).

2. Абсолютные датировки этапов аргументированы недостаточно, определяются исследователями по-разному и требуют дальнейшего обоснования.

3. Особенности культурных комплексов начальных этапов известны в самых общих чертах.

⁹ СА. 1965. № 4. С. 21—32.

¹⁰ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепе...

¹¹ Сариниди В. И., Кошеленко Г. А. Северная Бактрия//Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии: Археология СССР. М. 1985.

4. Материалы А. С. Сагдуллаева, привлекаемые для сравнения, относятся заведомо к наиболее позднему этапу РЖВ.

II. Датировка чустских памятников Ферганы и соотношение культуры Ферганы и Бактрии. В литературе¹² имеются три точки зрения о хронологии чустской культуры: первая определяет время ее — конец II тыс. — начало I тыс. до н. э., ориентировочно XI—VIII/VII вв. до н. э.; вторая — удвевняет до середины II тыс. до н. э., а третья омолаживает до VIII—VII вв. до н. э.¹³

Особенно активным сторонником последней выступает А. С. Сагдуллаев, который пытается доказать, что чустские поселения не древнее бактрийских, и сопоставляет их с комплексами Кучук II, Кызыл II—III (с. 29). Однако тут же он высказывает совсем иное суждение: «...Один из основных периодов развития чустской культуры в Фергане приходится на заключительный этап бытования в Бактрии комплексов типа Кызыл I, Кучук I, Тилля I и на время распространения ранних материалов типа Кызыл II, Кучук II, или VIII—VII вв. до н. э. В свете приведенных сопоставлений эти даты вполне приемлемы, хотя допустима и более широкая датировка — в пределах IX—VII вв. до н. э. Что же касается начальной даты чустской культуры — XI—X вв. до н. э., то этот вопрос сейчас окончательно не может быть решенным...» (с. 29—30).

В этом заключении многое сказано нечетко и запутанно. Если речь идет об одном из основных периодов, то, следовательно, был и другой, более ранний период (какова его дата?). Затем автор объединяет разновременные комплексы Кызыл I, Кучук I и Кызыл II, Кучук II. Кстати, куда исчез Кызыл III? Выступая против ранней датировки Чуста, автор почему-то забывает о своей малообоснованной дате — II—I тыс. до н. э. и игнорирует дату Кучук I (X—VIII вв. до н. э.).

Чтобы разобраться в спорных вопросах, надо напомнить, что хронология Чуста, как и памятников Бактрии, опирается на стратиграфическую шкалу юга Туркмении и определена путем сопоставления с материалами Елькен II и Анау IVa в подгорной полосе и Яз I в Маргиане. Однако в Маргиане переходный период Анау IVa отсутствует, что неоднократно отмечал В. М. Массон. Яз I датирован IX—VII вв. до н. э.¹⁴, Елькен II — примерно XII—VII вв. до н. э. Позднее об этапе Анау IVa как-то забыли, и хронологические рамки Яз I были отодвинуты к концу II тыс. до н. э.

Эти краугольные положения хронологии РЖВ автор даже не вспоминает, ссылаясь только на аналогии с Сиалком (Иран). Между тем интуитивно правильная датировка Елькен II А. А. Марушенко в последнее время нашла подтверждение на Улуг-депе, где В. И. Сарияниди обнаружил расписную керамнку язовского типа в верхних слоях поры Намазга VI, что и позволило относить ее к концу II тыс. до н. э. Об этих новых данных А. С. Сагдуллаев также умалчивает.

На современном уровне изученности РЖВ можно говорить о почти одновременном появлении комплексов поздней расписной керамики в подгорной полосе (Парфии) и в Фергане, а также в Северной Бактрии.

При малочисленности датирующих данных нельзя оправдать игнорирование радиоуглеродных датировок для установления абсолютной хронологии. Для Ферганы уже имеется 12 таких дат по трем основным памятникам (Дальварзин, Чуст, Ош), которые частично синхронны, а частично древнее радиоуглеродной даты Кучука. Все они подтверждают хронологию по типологическим данным.

Рамки данной статьи не позволяют привести развернутую аргументацию хронологии Чуста. Мы можем лишь утверждать, что А. С. Сагдуллаев не привел убедительных доводов и не поколебал наших положений.

Неполно и, следовательно, искажению передает автор суждения о сходстве Чуста и Кучука. В тезисах Ю. А. Заднепровского¹⁵ говорится о сходстве всех основных категорий материальной культуры: гончарства, в том числе орнамента, металлургии, изделий из кости и камня, а также о близости типа отдельно стоящего дома, т. е. всего известного ныне культурного комплекса.

А. С. Сагдуллаев, однако, сводит все к сходству отдельных предметов. Между тем отмечаемая близость не случайна и весьма существенна. И это в условиях значительного различия в уровне изученности памятников обеих областей. Напомним, что в Фергане известно в 4 раза больше памятников, чем в Сурхандарье. В их числе — такие крупные, как Дальварзин (26 га), тогда как площадь самых больших бактрийских поселений — всего 1,5 га. На Дальварзине раскопано более 10 000 м², почти столько же в Чусте и более 2000 м² — на Ошском поселении. Меж-

¹² Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы...

¹³ Тереножкин А. И. Основы хронологии предскифского периода//СА. 1969.

№ 1.

¹⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы...

¹⁵ Заднепровский Ю. А. Древняя Бактрия и Фергана в предахемнидский период в свете новейших открытий//Древнейшие культуры Бактрии. Душанбе, 1982.

ду тем на Бандыхане I пока заложены небольшие раскопки и шурфы. Как исключительное явление отмечает автор находку в шурфе 20 расписных фрагментов (с. 23). Разве сопоставимы эти мизерные сборы с обширными коллекциями Дальварзина, где только расписных образцов найдено 4000, или Чуста, где их обнаружено около 1000, а в Оше — свыше 1500¹⁶. В большом количестве найдены там изделия из камня, бронзы и кости.

При объективном подходе достаточно определенно заметна близость культуры Ферганы и Бактрии, которую не следует, конечно, преувеличивать, учитывая выявленные черты различия.

III. О чустской культурной общности. Определенная близость культур поздней расписной керамики Парфии, Маргианы, Бактрии, а также Ферганы неоднократно отмечена в литературе. Появление новых данных создало возможность выделить особую культурную общность, названную Ю. А. Заднепровским (1978 г.) чустской по наиболее изученной культуре.

Именно это положение больше всего не нравится А. С. Сагдуллаеву и к нему он возвращается несколько раз. Он заявляет о необходимости уточнения критериев выделения этой общности (с. 22), но ограничивается утверждением, что «не следует считать одним из признаков культурной общности близость каменных орудий Ферганы и долины Сурхана...» (с. 27). Зачем же приписывать другим то, чего они не говорили? Выделение чустской общности было и сейчас возможно главным образом на основе сходства лепной расписной посуды с геометрическим орнаментом.

Вряд ли правомерно раздувать различия между отдельными, порой еще мало и к тому же неравномерно исследованными комплексами. Например, автор подчеркивает отличие в идеологических представлениях по особенностям обряда погребений, которые сводятся к тому, что в Фергане хоронили в пределах поселений, а в Бактрии этот обычай не выявлен. Кстати, там погребения этого времени пока вообще не известны. Но почему А. С. Сагдуллаев забывает о захоронениях, обнаруженных на поселениях Парфии (Елькен II, Яшилди-депе, Дашлинский оазис) и в Маргиане (на Яз-депе)? Показательно повсеместное отсутствие терракоты, столь характерной для земледельцев юга предшествующих периодов. Нельзя также забывать о сходстве геометрического орнамента, указывающем на определенную однородность идеологических воззрений. Как видим, от доводов в пользу различия в этой сфере мало что остается. Как и в отношении андроновской культурной общности и др., наличие общего не означает отсутствия особенного, локального в отдельных его частях.

Убедительных доказательств против выделения чустской общности А. С. Сагдуллаев не нашел. Между тем беспристрастный анализ археологической реальности приводит объективных исследователей к признанию факта обширной культурной общности, индикатором которой выступает лепная расписная керамика. Только, например, В. Н. Пилипко (1984) называет ее иначе — язовской культурной общностью. При этом сказано, что «ареал язовской культурной общности совпадает с районом расселения восточно-иранских племен»¹⁷.

В работе А. С. Сагдуллаева имеются и более мелкие недочеты, на которых останавливаться здесь неуместно.

Заключая, можно сказать, что работа А. С. Сагдуллаева мало содействует выявлению истины и дальнейшему изучению спорных вопросов археологии РЖВ на территории Узбекистана.

Ю. А. Заднепровский, Б. Х. Матбабаев

¹⁶ Заднепровский Ю. А., Матбабаев Б. Х. Новые данные о древнеземледельческой чустской культуре Ферганы//Информ. бюл. МАИКСА. Вып. 7. М., 1984. С. 38—45.

¹⁷ Пилипко В. Н. Ранний железный век Северной Парфии//Раннежелезный век Средней Азии и Индии: Тезисы докладов членов советской делегации на I советско-индийском симпозиуме. Ашхабад, 1984. С. 21—24.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ БУХАРСКОГО МУЗЕЯ

В сентябре 1986 г. в Бухарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник от жителя г. Бухары У. Мажитова поступила рукопись под названием «Маджмуа ал-джавахир» (Собрание драгоценных камней)¹. В конце рукописи проставлена дата переписки — 1288 (1871—72) г. х.²; автор неизвестен.

¹ Это название указано на форзаце книги, а также в предисловии (л. 16).

² Там же, л. 70б.

Рукопись в картонном переплете желтого цвета, корешок из кожи красного цвета; размер листа — 26×16,5 см, количество строк на странице — 15, размеры текста — 18×9,5 см, объем — 70 л. Почерк — средний наст'алик; основной текст выполнен чернилами черного цвета, названия глав, подтем — киноварью.

Переписчиком допущен ряд ошибок. Так, вместо *توتيا* (окись цинка: купорос) написано *طوطيا*³, вместо *صابون* (мыло) — *سابون*⁴, вместо *گلقلند* (засахаренные лепестки роз) — *قلقلند*⁵ и т. д. Некоторые персидские слова написаны в соответствии с их таджикским произношением. Например, слово *بېزند* (сварть) дано в форме *يوېزند*⁶.

Рукопись включает в себя книгу «Маджмуа ал-джавахир» и статью «Макола дар илм-и заргар-и» (глава о ювелирном ремесле). Книга «Маджмуа ал-джавахир» состоит из введения (где изложены цель и задачи этого произведения), 42 глав и 140 разделов.

Автор указывает, что в книге даны сведения «о 160 отдельных процессах ювелирного дела...»: обработка жемчуга, бирюзы, алмазов; плавка золота, серебра, меди, свинца и других металлов; гравировка орнаментов и надписей на камнях; изготовление ручек ножей и инкрустация их перламутром и т. д. Так, описывается процесс чернения «саводкор-и». Изготовление савода заключается в следующем. Плавят вместе 1 мискал свинца, 1 мискал чистого серебра, 1 мискал чистой меди. В вычищенный рог быка засыпают серу, вливают полученный сплав и плотно закрывают войлоком. После остывания массу доводят до состояния порошка⁷. Чернение производится следующим образом: «Перед покрытием чернью на изделие необходимо предварительно нанести гравировку, затем порошок «савод» (чернь) нанести на изделие. Вскипяченной в воде бурой протереть изделие, нагреть его и протереть после остывания оливковым маслом...»⁸

В статье «Макола дар илм-и заргар-и» говорится об очистке и ремонте ювелирных изделий: очистка золотых, серебряных и медных изделий, восстановление черни и т. д. Например, на л. 64б указано, что при чистке серебряных изделий необходимо использовать квасцы в составе с калийной солью, причем данный раствор следует подогреть.

Надо сказать, что отдельные страницы рукописи посвящены вопросам, не имеющим отношения к ювелирному делу: производство наконечников стрел, копий и щитов, изготовление бумаги, уход за волосами.

Дальнейшее изучение этого источника позволит восстановить отдельные процессы ювелирного производства Средней Азии XIX — начала XX в.

Г. Курбанов, М. Парастепанах

³ Там же, л. 51а.

⁴ Там же, л. 50а.

⁵ Там же, л. 29а.

⁶ Там же, л. 50б.

⁷ Там же, л. 66а.

⁸ Там же, л. 65б—66а.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ ВУЗОВ

О РОЛИ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК В ЭТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ УЗБЕКИСТАНА

В материалах XXVII съезда КПСС, XXI съезда Компартии Узбекистана, последующих Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз, Всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук огромное внимание уделено проблемам коммунистического воспитания подрастающего поколения. Особо отмечена роль общественных наук в воспитании учащейся молодежи.

Однако в практике преподавания общественных наук в высших учебных заведениях, в том числе в медицинских вузах Узбекистана, имеется еще немало недостатков. Формализм и начетничество в преподавании этих дисциплин, «натаскива-

ние» студентов, механическая зубрежка и прочие недостатки остаются распространенными явлениями.

Анализ работы обществоведов медвузов республики, а также анкетирование студентов-медиков показали, что в процессе изучения общественных дисциплин принцип единства обучения и воспитания до сих пор не нашел должного применения. Делая акцент на предметную сторону изучаемых дисциплин, преподаватели зачастую игнорируют воспитательную функцию обучения.

Современная медицина в процессе своего бурного развития на основе научно-технического прогресса все чаще принимает на вооружение данные и методы общественных наук, особенно социологии и психологии. Однако в медвузах республики не введены курсы социологии, психологии, педагогики, изучение которых способствует подготовке специалистов широкого профиля, врача, умеющего индивидуально подойти к пациенту, снимающего его психологию, врача-воспитателя, педагога.

Для глубокого и творческого усвоения общественных наук необходимы систематическое и последовательное обеспечение классовости и партийности в обучении, воспитание у будущих врачей непримиримого отношения к любым негативным явлениям, чуждым нам нравам, стяжательству, накопительству, мещанству, равнодушию к чужой боли.

В целях определения влияния различных факторов на нравственно-этическое сознание будущих врачей мы провели анкетирование студентов-медиков Узбекистана и пришли к выводу, что возможности влияния на их нравственно-этическое сознание и поведение, заложенные в общественных дисциплинах, автоматически не реализуются. Их фактическое использование зависит от профессионального, педагогического мастерства преподавателей-обществоведов, умения выделить нравственно-этические аспекты в содержании своей дисциплины, заострить на них внимание студентов, придать этической направленность всем видам занятий, превратить их в действенный фактор формирования и закрепления у будущих медиков высоких гражданских качеств.

В арсенале методов воспитания педагога-обществоведа — и умелый показ негативных явлений, примеров того, как должен и как не должен поступать врач. В жизни часто встречаются факты аморальных поступков медиков, пачкающих белоснежный халат врача такими грязными делами, как взяточничество, спекуляция дефицитными лекарствами, проявляющих грубость и равнодушие к пациентам, нарушающих нормы врачебной этики, элементарные правила морали. Это — прямой результат плохой воспитательной работы, неиспользования огромного воспитательного заряда, который несут в себе учебные дисциплины, особенно общественные науки, и т. д.

Изучение общественных наук начинается для студентов с курса Истории КПСС, в котором находит широкое отражение огромный опыт идеологической, политико-воспитательной работы партии, самая передовая и гуманная система нравственно-этических норм, накопленных социалистическим обществом. Уже на примере «Манифеста Коммунистической партии» преподаватель может наглядно показать студентам диаметрально противоположные принципы коммунистической и буржуазной морали, которая «превратила личное достоинство человека в меновую стоимость».

Преподаватели Истории КПСС имеют большие возможности продемонстрировать будущим медикам, что марксистско-ленинское учение не только глубоко научно показало истинную картину мира, но и раскрыло место и роль человека в этом мире, ценностные ориентации трудящихся масс.

Проведенное нами анкетирование первокурсников медвузов республики выявило то огромное впечатление, которое оказывает на них ознакомление с биографиями К. Маркса и Ф. Энгельса, их взаимоотношениями. Студенты высоко ценят их дружбу, называя ее величественной и трогательной, выделяют у них самые лучшие человеческие качества: преданность делу пролетариата, негибаемую волю, выдержку, стойкий характер, благородство, мужество, непоколебимый дух, умение ценить человеческое достоинство. Будущие медики отмечают большое влияние личности основоположников научного коммунизма на формирование у самих студентов лучших черт характера: человеколюбия, взаимопонимания и взаимоуважения, самоотверженности, благородства, трудолюбия и др. Беззаветная преданность К. Маркса и Ф. Энгельса делу коммунизма открывает студентам новые аспекты понятий добра, человечности, истины, смысла жизни, учит их этике взаимоотношений в коллективе.

В формировании у студентов лучших гражданских, нравственных качеств, норм коммунистической этики исключительная роль принадлежит ленинскому теоретическому наследию, изучению жизни и деятельности В. И. Ленина не только как гениального мыслителя, великого революционера, основателя Коммунистической партии и Советского государства, но и как выдающегося гуманиста, человека высокой моральной чистоты, гражданственности, патриотизма, интернационализма, борца за коммунистические идеалы.

Неисчерпаемые возможности для формирования нравственных убеждений, этики будущего врача представляет тема «Ленинский план построения социализма в

СССР. Последние статьи, речи и письма В. И. Ленина». К семинарам по этой теме студенты готовят и такие рефераты, как «Ленин — вождь, товарищ, человек», «Один день Председателя СНК», «Ленин и дети», «Самый человечный человек...» и др. Работая над рефератами, студенты изучают произведения В. И. Ленина, его письма, воспоминания соратников, материалы из семейной хроники и т. п. Это духовно обогащает студентов, воспитывает их, вызывает стремление быть достойными гражданами своей великой Родины, верными ленинцами. Ответы студентов на вопросы: «Что Вам дало изучение произведений В. И. Ленина?», «Какие человеческие качества Вы больше всего цените в Ленине?» — показывают, что будущие врачи выделяют прежде всего исключительную работоспособность, целеустремленность В. И. Ленина, цельность его натуры, гуманизм, любовь к Родине, к людям, к детям, ценят в его облике лучшие человеческие качества как высокий идеал, вдохновляющий образец.

Огромно эмоциональное воздействие материала, посвященного периоду Великой Отечественной войны. Студенты с интересом изучают, реферировать и выступают с докладами о героях-медиках, в том числе узбекистанцах, их беспримерном героизме, мужестве, самоотдаче. Впечатляющие факты всенародного ратного и трудового подвига как нельзя лучше способствуют формированию морального облика будущего врача.

Особая роль в формировании этики будущего врача принадлежит курсу марксистско-ленинской философии. Творчески усваивая философские знания, будущий врач на основе практической, общественно полезной деятельности превращает их в личные убеждения. Овладение марксистско-ленинской философией способствует поиску студенческой молодежью устойчивых нравственно-этических ориентаций. Философия как центральная наука в ряду дисциплин мировоззренческого цикла развивает способность студентов-медиков диалектически мыслить, анализировать социальные связи и зависимости, находить самостоятельное решение в сложных морально-этических ситуациях. Изучение курса марксистско-ленинской философии способствует решению ответственной задачи, поставленной В. И. Лениным перед высшей школой: наряду с основами знаний дать молодежи «умение вырабатывать самим коммунистические взгляды»¹.

Огромное значение имеет преподавание марксистско-ленинской философии и других общественных наук в патриотическом, интернационалистском воспитании многонациональных кадров будущих медиков. Наша этика проникнута духом советского патриотизма и социалистического интернационализма, как и весь советский образ жизни. Жизнь учит, что любое упущение в этом деле недопустимо.

Формированию нравственного облика врача активно способствует этический аспект мировоззрения, в котором находит выражение общественная природа человека. Курс марксистско-ленинской этики помогает студентам систематизировать почерпнутые из разных источников сведения об этике, уяснить суть, социальную природу и функции морали, практическую значимость норм коммунистической нравственности².

В современных условиях значительно повысилась роль политической экономии в подготовке специалистов с высшим образованием. Политэкономия располагает особыми возможностями влиять на формирование нравственно-трудовых, деловых, гражданских и этических качеств студентов. Будущие медики должны не только хорошо усвоить законы функционирования и развития экономики, но и понимать роль отношений, складывающихся между людьми в процессе производства. На вопрос: «Что Вы считаете главным в процессе производства?» 75% студентов медвузов республики ответили, что главное — сам процесс производства, но он немалым без производственных отношений. Последние, по их мнению, — один из решающих факторов процесса производства, ибо от них зависит сам процесс и его результат. Студентов интересует этика взаимоотношений в академической группе, в коллективе медиков, в обществе. Отсюда главная задача преподавателей-политэкономов — максимально использовать содержание учебно-воспитательного процесса для формирования у будущих врачей гражданских, деловых, нравственно-этических качеств, отвечающих возросшему ныне уровню требований к специалисту.

Огромный воспитательный эффект дает умело поставленное преподавание предмета научного коммунизма. В ходе изложения теории научного коммунизма система ранее полученных мировоззренческих и нравственно-этических знаний применяется к анализу самых актуальных проблем современности. Воспитательное воздействие данного курса — в его содержании, но и в форме тоже. Поэтому преподаватели научного коммунизма должны раскрывать основные законы и категории этой

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 313.

² См.: Якубова С. И. Из опыта изучения марксистско-ленинской этики в медвузах Узбекистана//Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 7. С. 54—55.

науки глубоко, убедительно и обязательно увлекательно. Однако нельзя ограничиваться характеристикой воспитательного значения предмета в целом, исходя только из его содержания. Необходимо проанализировать его содержание с точки зрения основных целей и задач коммунистического, в том числе этического, воспитания. В итоге изучения этого курса будущие врачи должны постичь — и умом, и сердцем — величие коммунистического нравственного идеала, социально-экономические, политические, идеологические условия и пути его осуществления.

Итак, система преподавания общественных наук в медицинском вузе дает возможность студентам последовательно, глубоко изучить марксистско-ленинскую теорию и вместе с тем оказывает на них мощное воспитательное воздействие, в том числе в морально-этическом плане, что имеет исключительно важное значение в свете указаний XXVII съезда КПСС и январского (1987) Пленума ЦК КПСС о необходимости коренного улучшения всего дела подготовки и воспитания кадров.

С. И. Якубова, А. М. Каримова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Р. Г. МУКМИНОВА. СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ УЗБЕКИСТАНА В XV—XVI вв.**

(Ташкент: Фан УзССР, 1985. 136 с.)

Одна из важнейших и вместе с тем недостаточно изученных проблем истории докапиталистических обществ Востока — проблема средневекового города, в течение длительного времени достаточно остро дебатированная в науке.

В этом плане представляет большой интерес исследование Р. Г. Мукминовой, выполненное на широком историческом материале оригинальных источников (закладных, купчих, дарственных грамот и др.). Автор убедительно показывает, что средневековый город на Востоке, как и в Европе, представлял собой функциональный элемент феодального общества. Он был местом концентрации населения, мелко-товарного ремесленного производства, торговли и культурной жизни, т. е. как типологическое явление средневековый восточный город был адекватен европейскому, хотя и отличался от него целым рядом внутритипологических особенностей.

Город был резиденцией феодального правителя, его многочисленных приближенных, эмиров и челяди, здесь же размещалась опорная армия чиновников фискального и других ведомств, а также мусульманского духовенства.

Власть феодалов в азиатском городе, гораздо более выраженная, чем в Европе, как нам представляется, была в значительной мере связана с характером земельных отношений на Востоке, в частности с явлением так называемого абсентеизма феодала в деревне в результате отсутствия в крупных масштабах личного хозяйства земельных собственников-феодалов и доминирования условных форм феодального землевладения под эгидой государства. Этот вопрос, однако, не нашел в работе должного освещения.

Исследование Р. Г. Мукминовой, основанное на новом фактическом материале, позволяет уверенно констатировать, что зависимость восточного города от феодала обнаруживала себя в отсутствии на Востоке, в частности в Средней Азии, городов-коммун, известных по истории Западной Европы; в крайне тяжелом налоговом бремени, лежавшем на городском торгово-ремесленном населении; в контроле феодалов над деятельностью городских корпораций и цехов, главы которых, как показывает автор, нередко назначались или утверждались феодальными властями. Экономическая, политическая и культурная жизнь городов была подчинена интересам класса феодалов, которые на Востоке, в отличие от Запада, проживали в городе и эксплуатировали как сельских жителей, так и горожан (с. 41 и др.).

Как доказывает Р. Г. Мукминова, важным фактором силы и влияния феодалов в городе было то, что многие представители светских и особенно духовных феодалов владели в городах землей и доходным имуществом, в том числе дуканами разорявшихся мастеров-установ, превращавшихся в арендаторов бывших своих мастерских (с. 94 и др.).

Устанавливаемая учеными, в том числе Р. Г. Мукминовой, большая зависимость азиатского города от феодала, видимо, сдерживала в определенной мере самостоятельное развитие городских элементов, препятствовала особому сословию — горожанам. Однако все еще открытым остается вопрос — было ли упомянутое выше явление («присутствие» феодала в городе) абсолютным препятствием для вызревания в городе зачатков новых социально-экономических отношений.

К сожалению, в рецензируемой книге мы не находим ответа на этот вопрос. Думается, что ответ должен быть отрицательным, поскольку разложение феодальных и развитие буржуазных отношений были связаны со всем комплексом развития социально-экономических отношений и влиянием внешних факторов.

Большой интерес представляют приведенные Р. Г. Мукминовой сведения, показывающие, что в конце XV—XVI в. социально-экономическая основа феодального города — самостоятельное мелкотоварное производство ремесленника — была в значительной мере подорвана, что весьма характерно для периода позднего средневековья, отмеченного симптомами разложения феодализма. В работе не анализируется, однако, как и почему эти потенции не были реализованы в течение последующих столетий. Это — дело будущих исследователей проблемы.

Заслугой Р. Г. Мукминовой является также постановка проблемы «город — деревня», специфических черт в их экономической и социальной структуре (с. 30 и др.). Ремесло и торговля, подчеркивает автор, занимали ведущее место в экономике таких городов, как Бухара, Самарканд; в менее крупных городах: Ташкенте, Андижане, Ахси и др. — ремесленники в значительно большей мере сочетали свое профессиональное занятие с садоводством и огородничеством (с. 37). Приведенный в монографии материал свидетельствует не только о существовавших различиях между городом и деревней, но и о регулярных и весьма разнообразных связях между ними. Вместе с тем взгляд на город как центр ремесла и торговли, результат углубления общественного разделения труда закономерно приводит к постановке весьма актуальной для Средней Азии проблемы город — кочевая степь, и хотелось бы, чтобы она нашла в книге более широкое освещение.

В исторической литературе неоднократно отмечалась неоднозначность, противоречивость этих отношений. С одной стороны, города подвергались грабежам и разорению со стороны кочевников, что негативно отражалось на их экономическом положении. Есть и социальный аспект проблемы, также носящий отрицательный «заряд». Постоянная угроза городам со стороны кочевой степи как бы «гасила» антифеодальные потенции городов, видевших нередко в феодальной центральной власти и вообще феодальных правителях не столько своих эксплуататоров, сколько покровителей и защитников от агрессивности кочевой периферии. С другой стороны, как бы имманентно существовавшее естественное разделение труда между «степью» и «оазисом», в частности городом, не могло не способствовать развитию экономических связей между ними. Именно на этом моменте в отношении двух различных экономик фиксирует свое внимание Р. Г. Мукминова. Как она отмечает, близость к степи во многом определила, в частности, хозяйственный уклад Ташкента. Производимые здесь ремесленные изделия находили сбыт на кочевой периферии.

Центральное место в исследовании Р. Г. Мукминовой занимает проблема социальной дифференциации населения в городах Узбекистана конца XV—XVI в. Это время автор, вслед за Е. А. Давидович, считает периодом максимального (в условиях средневековья) развития товарно-денежных отношений. Именно к этому периоду относит Р. Г. Мукминова процесс значительного углубления социального («классового») расслоения городского населения. Используя доступный фактологический материал источников, она констатирует упомянутое явление не только в крупных торговле-ремесленных центрах, как Самарканд и Бухара, но и в менее значительных городах, в частности, в Ташкенте, где большая часть населения все еще сочетала ремесло и мелкую торговлю с сельским хозяйством (с. 34).

Сложность социальной структуры населения среднеазиатских городов усиливалась религиозными различиями (с. 36). Но здесь автору следовало подчеркнуть разграничение феодалами острой борьбы между суннитами и шиитами с целью использования религиозного фанатизма в своекорыстных интересах.

Подчеркивая гетерогенность городского населения в рассматриваемый период, Р. Г. Мукминова, видимо, небезосновательно полагает, что феодалы в городах, господствуя в социальном и политическом плане, составляли лишь незначительную часть населения. Основная масса его — это имевшие относительно низкий социальный статус городские производители и торговцы, а также городская беднота.

Самую многочисленную группу среди городских производителей составляли ремесленники — владельцы мастерских, известные как уstadы. Но и они не были гомогенной группой, а включали различные имущественные слои, что подтверждается ценами на ремесленные лавки-мастерские, которые колебались от 6 до 40—80 танга, порой достигая сотен танга (с. 89). Имущественное неравенство ustadов определялось и родом занятий: наиболее состоятельную и влиятельную группу представляли ювелиры-заргары. Характерно, что среди многочисленных долговых документов, отражавших зависимое положение мелких производителей от торговцев-скупщиков, констатирует Р. Г. Мукминова, нет ни одного, касающегося ювелиров. Прочие ремесленники были, как правило, менее состоятельными, хотя и среди них могли быть люди с достатком.

Многочисленные данные источников убеждают читателя в том, что в XV—XVI вв. часть ustadов фактически была представлена не мелкими самостоятельными

ми. производителями, а организаторами производства, непосредственно не занимавшимися ремесленным трудом. Вместе с тем впечатляет, что значительная часть их в результате роста налогового бремени не была в состоянии вести самостоятельное хозяйство и впадала во все большую зависимость от богатых мастеров, скупщиков, феодалов, бравших в качестве залога под аванс ремесленные лавки. В последнем случае фактически устанавливалась зависимость ремесленников от кредиторов, что способствовало усилению их эксплуатации. При этом Р. Г. Мукминовой удалось проследить, что дифференциация среди ремесленников была особенно ярко выражена в наиболее развитых отраслях, прежде всего в текстильном производстве (с. 42).

Основываясь на дошедшем до нас трафарете (или специальном образце) оформления текста о найме работника, автор приходит к правильному, как нам кажется, выводу о том, что наемничество в городах Узбекистана практиковалось довольно широко. В работе приводятся важные детали, проливающие свет на положение наемного работника в средневековом обществе. Он был обязан выполнять, согласно договору о найме, «любую дозволенную шариадом работу» в доме хозяина, где наемник должен был жить и работать. В договоре упоминалась сумма, подлежащая уплате в конце года, из которой вычитались средства, израсходованные на содержание работника (еду, одежду). Нельзя не согласиться с Р. Г. Мукминовой в том, что наемник находился в полной зависимости от нанимавшего его лица. И все же юридическое оформление договорных отношений, как правильно отмечает автор, в какой-то степени гарантировало права работника, в частности на получение указанной суммы по истечении срока найма (с. 86). К сожалению, Р. Г. Мукминовой удалось выявить лишь один документ о найме работника.

Важную и достаточно многочисленную прослойку городского населения составляли купцы и торговцы. Как и ремесленники, они были неоднородны в имущественном отношении. Наиболее состоятельными были туджары, занимавшиеся международной торговлей, городские перекупщики, рыночные торговцы. Многие купцы сочетали торговлю с ростовщичеством, ссужая под проценты как знать, так и мелких городских и сельских тружеников.

Приводимые сведения ломают сложившийся в науке трафарет об азиатском купце, скрывавшем свое богатство, одевавшемся едва ли не в лохмотья и ограничивавшем себя в еде (хотя были и такие). Р. Г. Мукминова приводит сведения о купцах, которые вели весьма respectable образ жизни, окружая себя большой сзтой и множеством слуг. В их честь стихотворцы за большое вознаграждение сочиняли специальные «купеческие бейты» (с. 114). Часть купцов в среднеазиатском городе XV—XVI вв. была приобщена к феодальной эксплуатации благодаря приобретению земельной собственности и откупу налогов.

Наихудшее положение в городском обществе занимала беднота, презрительно именуемая в феодальных источниках «босьяками», «подонками», «головорезами» и т. д. Вряд ли, однако, права автор, полагая, что множественность терминов для определения бедноты отражает подразделенность ее на ряд групп» (с. 90). Насколько нам известно, эти термины просто подменяли друг друга. Вместе с тем нельзя не согласиться с автором в том, что именно беднота представляла наиболее активную силу в мятежах и восстаниях (с. 90—91). Определенный интерес представляют данные Р. Г. Мукминовой о выступлениях бедноты и упоминания об отдельных фактах, когда борьба ее завершалась временной победой восставших.

В монографии находит отражение и положение рабов как одной из социальных групп населения средневекового города.

Поскольку значительную часть населения крупных городов Средней Азии составляли ремесленники и мелкие торговцы, Р. Г. Мукминова делает правильное заключение о том, что большая часть городских доходов складывалась в основном из податей с ремесел, взимавшихся при реализации товаров, арендной платы за мастерские, лавки, рыночные площади, а также сборов и пошлин с мелких и крупных торговцев (с. 29).

В рецензируемой работе затронуты и другие интересные вопросы истории городов Узбекистана XV—XVII вв., имеющие важное значение для понимания социально-экономических отношений на средневековом Востоке. В их числе — характер земельной собственности в феодальном городе. Многочисленные документы по купле-продаже имущества (мульк) свидетельствуют о весьма развитом праве частной собственности в средневековом городе Средней Азии. Хотя эта проблема не поставлена специально и во всей полноте, некоторые замечания автора, безусловно, привлекают внимание.

Одна из важнейших проблем исторического процесса на рубеже средневековья и нового времени — вопрос о влиянии на внутреннее развитие стран Востока, в частности городов, на само направление исторического развития внешней среды, международных связей Средней Азии, их эволюции в связи с великими географическими открытиями, с начавшимся в Европе генезисом капитализма. В этом аспекте важное значение для понимания развития среднеазиатских городов с начала XVII в. имеет замечание Р. Г. Мукминовой о сокращении со времени создания английской

Ост-Индской компании потока транзитных товаров из Индии в страны Среднего и Ближнего Востока и обратно, что не могло не повысить значения торговых путей из Средней Азии к низовьям Волги.

В целом книга Р. Г. Мукминовой, несмотря на наличие в ней спорных моментов и необходимость дальнейшей разработки отдельных проблем, представляет серьезный вклад в науку. Она не только обогащает наши представления о жизни средневекового города, но и намечает пути последующих конкретных исследований экономической и социальной истории страны Востока.

К. З. Ашрафян

НОВЫЕ КНИГИ

Г. АБДУМАДЖИДОВ. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИИ

(ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

(Ташкент: Узбекистан, 1986. 192 с.)

В книге Г. Абдумаджидова рассматриваются основные этапы и узловые моменты развития законодательства Узбекской ССР о расследовании преступлений, теория и практика предварительного следствия и дознания, важнейшие принципы их организации и производства.

Работа состоит из введения, двух разделов (охватывающих 8 глав) и заключения с приложением указателей источников.

В разделе I «Этапы развития законодательства Узбекской ССР о производстве расследования» (главы 1—4) освещаются становление советского законодательства о производстве расследования; регламентация производства расследования в УПК УзССР 1926 г.; реформа расследования по УПК 1929 г.; действующее законодательство Узбекской ССР о расследовании преступлений.

Автор показывает процесс слома дореволюционной судебной системы и создания советских следственных органов на территории Туркестана. Приводятся малоизвестные читателю сведения об истории уголовно-процессуального законодательства Узбекской ССР, специфике его развития. Отмечается, что распространенный в стране в 20-е годы упрощенный подход к уголовному судопроизводству, пренебрежительное отношение к процессуальным формам, призывы к «экономному» использованию процессуальных средств установления истины получили законодательное выражение и в УПК УзССР 1929 г. По утверждению автора, он оказался «самым несовершенным» (с. 43). Достаточно отметить, что в него входило 175 статей, тогда как действовавший до него УПК УзССР 1926 г. содержит 461 статью. С 50-х годов в республике была проведена большая работа по преодолению упрощенчества в расследовании преступлений. В 1959 г. был принят ныне действующий УПК УзССР. В книге подробно описаны ход и результаты этой работы, встречавшиеся порой трудности и пути их преодоления.

В разделе II «Проблемы совершенствования законодательства Узбекской ССР о производстве расследования преступлений в условиях развитого социализма» (главы 5—8) рассматриваются общие условия производства расследования; процессуальный статус участников расследования; процессуальный режим производства следственных действий; гарантии прав и законных интересов граждан при приостановлении и окончании расследования.

Особое внимание уделено совершенствованию действующего законодательства о производстве расследования. Исходя из интересов укрепления законности и усиления борьбы с преступностью, ставится задача дальнейшего развития теории следственных действий. Автор дает научное обоснование изменений и дополнений, внесенных в последнее время в статьи УПК УзССР о производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания, обыска, освидетельствования, следственного эксперимента и др. Высказаны аргументированные предложения по дальнейшему совершенствованию норм, регулирующих следственные действия.

Особый интерес вызывают результаты обширного анализа практики производства следственных действий в Узбекской ССР. Выявлены типичные недостатки в деятельности органов расследования, характерные и для других регионов страны. Высказаны обоснованные рекомендации по их устранению.

Книга рассчитана на юристов — ученых и практиков, а также всех интересующихся вопросами улучшения деятельности правоохранительных органов и укрепления социалистической законности.

В. М. Быков, В. Н. Григорьев

ХРОНИКА

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ АН УЗССР ПО ПРОБЛЕМАМ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ КАРАКАЛПАКСКОЙ АССР

11—13 декабря 1986 г. в Нукусе состоялось заседание выездной сессии Академии наук УзССР по вопросу «О дальнейшем развитии производительных сил Каракалпакской АССР в свете решений XXVII съезда КПСС и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению экономического и социального развития Каракалпакской АССР»¹.

Программа сессии была весьма насыщенной. На первом пленарном заседании были заслушаны 2 доклада, 6 содокладов и 10 выступлений. Сессию открыл вступительным словом Президент АН УзССР, чл.-кор. АН СССР П. К. Хабибуллаев, подчеркнувший исключительную актуальность рассматриваемой проблемы и особую ответственность ученых за ее решение. Затем он перешел к изложению своего доклада «Задачи ученых республики по реализации постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению экономического и социального развития Каракалпакской АССР». Первоочередное внимание в докладе было уделено необходимости широкого использования достижений научно-технического прогресса и фундаментальной науки в целях разработки и осуществления действенных, оперативных мер по решению рассматриваемой проблемы.

В докладе первого секретаря Каракалпакского ОК КПУз К. С. Салькова «Основные направления дальнейшего развития Каракалпакской АССР в свете решений XXVII съезда КПСС и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по ускорению экономического и социального развития Каракалпакской АССР» была подчеркнута огромная роль науки в коренном преобразовании экономики района на базе интенсификации развития отраслей, определяющих научно-технический прогресс (машиностроение, энергетика, химия, горнодобывающие отрасли и др.), повышения эффективности орошаемого земледелия, ликвидации дефицита водных и энергетических ресурсов.

Доктор геогр. наук А. С. Кесь (Институт географии АН СССР) в своем содокладе (в соавторстве с директором Института географии АН СССР, чл.-кор. АН СССР В. М. Котляковым и зав. отделом Института географии АН СССР, доктором геогр. наук Н. Т. Кузнецовым) «Научные итоги работ по проблемам антропогенного опустынивания Приаралья» дала обобщающую оценку исследованиям по этим проблемам, проведенным в последние 10 лет десятками научно-исследовательских и проектных институтов и организаций Узбекистана, Казахстана, Туркмении, Москвы и Ленинграда под научно-методическим руководством Института географии АН СССР.

Содоклад директора Института водных проблем АН СССР, чл.-кор. АН СССР Г. В. Воропаева (в соавторстве с научными сотрудниками того же Института Т. М. Гальбух и Г. Х. Исмайловым) «Водные проблемы бассейна Амударьи — перспективы и решения» акцентировал внимание на необходимость максимальной рационализации водопотребления, особенно в орошаемом земледелии всего бассейна Амударьи, с учетом складывающейся демографической, экономической и экологической ситуации.

Акад. АН УзССР М. С. Саидов изложил основные концептуальные положения содоклада вице-президента АН УзССР, акад. АН УзССР Т. Р. Рашидова «Ускорение научно-технического прогресса ККАССР», отражающие общее направление научно-технического развития страны и Узбекистана. Он рассказал также о перспективах использования солнечной энергии в различных целях (для подогрева и опреснения воды и др.) в конкретных условиях автономной республики.

Острые социально-экономические проблемы ККАССР отразил вице-президент АН УзССР, акад. АН УзССР Э. Ю. Юсупов в своем содокладе «Роль человеческого фактора в развитии экономики ККАССР в свете требований XXVII съезда КПСС».

Основные задачи ускорения и переориентации развития экономики Каракалпакии на основе более рационального и эффективного использования ее значительного природного потенциала и трудовых ресурсов осветил в своем содокладе «Проблемы и перспективы долгосрочного развития производительных сил ККАССР в свете решений XXVII съезда КПСС» председатель СОПС АН УзССР, акад. АН УзССР С. К. Зиядуллаев.

¹ Об указании постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, обсуждении его на собрании актива областной партийной организации см.: Правда Востока. 1986. 18 апр.

Подробная характеристика задач перспективного развития важнейшей отрасли производственной специализации ККАССР — хлопководства — была дана в содокладе зав. отделом ЦЭМИ, акад. Н. П. Федоренко и зав. отделом Института экономики АН УзССР, доктора экон. наук А. С. Сафаева «Актуальные проблемы реализации комплексной программы «Хлопок» в низовьях Амударьи».

Вопросы комплексной оценки многофакторного влияния усыхания Арала, как важнейшего регионального процесса, на весь Среднеазиатский регион были затронуты в выступлении председателя Президиума КК ФАН УзССР, акад. АН УзССР С. К. Камалова, ведущего научного сотрудника СОПС АН УзССР, канд. геогр. наук Э. Л. Золотарева, ст. н. с. лаборатории араловедения КИЕН КК ФАН УзССР, канд. техн. наук С. К. Кабулова и зав. лабораторией отдела географин АН УзССР, канд. геогр. наук А. А. Рафикова «Антропогенное опустынивание Приаралья и проблемы предотвращения его отрицательных последствий». В нем определены первоочередные и долговременные задачи предотвращения негативных процессов в Приаралье и пути их решения. В частности, выявлены экономические рычаги стимулирования необходимых хозяйственных мероприятий.

Зам. министра водного хозяйства УзССР Д. Д. Афонин зачитал содоклад Министра водного хозяйства УзССР К. С. Сапаева «Перспективы развития орошения и проблемы рационального использования земельно-водных ресурсов в низовьях Амударьи». В нем отмечалось, что в предстоящий период положение с водой не только в низовьях, но и на всем протяжении реки будет крайне напряженным. Хотя Каракалпакии предстоит освоить под орошение не менее 300 тыс. га новых площадей, нынешний лимит по воде, отпущенный автономной республике, не будет повышен. Следовательно, прирост площадей может идти только за счет внутренних резервов — экономии воды на основе реконструкции оросительных систем, внедрения новой, прогрессивной техники полива.

Зав. отделом региональной экономики Средней Азии и Казахстана СОПС при Госплане СССР, доктор экон. наук Г. В. Копанев в своем выступлении «Перспективы усиления роли низовьев Амударьи в развитии производительных сил Средней Азии» дал прогноз путей переориентации и совершенствования структуры народного хозяйства низовьев в условиях антропогенного опустынивания.

О возможностях расширения добычи полезных ископаемых и комплексного их использования рассказал в своем выступлении «Минерально-сырьевые ресурсы и развитие горнодобывающей промышленности Каракалпакии» академик-секретарь Отделения наук о Земле АН УзССР, акад. АН УзССР Х. Н. Баймухамедов (в соавторстве с зав. отделом СОПС АН УзССР, канд. экон. наук Е. Н. Фатаховым). Выступление на тему «Перспективы нефтегазоносности территорий Каракалпакии и пути ее освоения» сделал директор Института геологии и разведки нефтяных и газовых месторождений Министерства геологии УзССР, акад. АН УзССР А. М. Акрамходжаев.

О путях рационального использования и охраны богатого естественного растительного покрова ККАССР, прежде всего пастбищных ресурсов, говорилось в выступлении «Растительные ресурсы Каракалпакии и вопросы их воспроизводства и использования», сделанном акад. АН УзССР Д. К. Сандовым и зам. Председателя Президиума КК ФАН УзССР, доктором техн. наук А. Б. Бахиевым. Выступление «Совершенствование экономических отношений агропромышленного комплекса ККАССР в связи с перестройкой хлопкозаготовительной системы» сделал академик-секретарь Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР, акад. АН УзССР И. И. Искандеров.

В выступлении Председателя Совета Министров ККАССР Д. С. Ядгарова «Интенсификация и пути рационального использования основных фондов в ККАССР в свете решений XXVII съезда КПСС» была отмечена неэффективность современного использования основных фондов автономной республики, охарактеризованы потери ее народного хозяйства от усыхания Арала и намечены конкретные мероприятия по выправлению создавшегося положения.

Начальник главка «Главсредизирсовхозстрой» Э. Т. Турсунов посвятил свое выступление «Проблемы и перспективы комплексного освоения земель в ККАССР» задачам переориентации работы этого главка в новых условиях. В частности, он определил внутриконтурное освоение залежей и перелогов, т. е. староорошаемого фонда, как главное направление работ на обозримую перспективу.

В выступлении зам. председателя САО ВАСХНИЛ А. С. Цамутали и зав. отделом СОПС АН УзССР, доктора экон. наук Э. Д. Рахимова «Научные основы развития агропромышленного комплекса и реализации Продовольственной программы в ККАССР» основное внимание было уделено переориентации отраслевой структуры сельскохозяйственного производства ККАССР, прежде всего в связи с ухудшением агроклиматических условий, вызванным факторами антропогенного опустынивания.

Работа сессии была продолжена 12 декабря на заседаниях 6 секций, где заслушано около 60 докладов и выступлений.

В работе первой секции: «Природные и трудовые ресурсы как предпосылки развития народного хозяйства» — заслушаны и обсуждены 8 докладов и выступлений, в которых были затронуты такие важные и актуальные вопросы, как земельные ресурсы Каракалпакнии и перспективы их использования, пути рационального использования подземных вод, минерально-сырьевых и трудовых ресурсов.

На второй секции: «Проблемы и перспективы формирования промышленного комплекса ККАССР» — было сделано 10 докладов и выступлений. В их числе — доклад директора Института экономики АН УзССР, чл.-кор. АН УзССР А. Х. Хикматова «Экономические проблемы технического перевооружения промышленности», зав. отделом СОПСа АН УзССР, доктора экон. наук Р. Я. Досумова — «Проблемы развития промышленности ККАССР и совершенствования ее структуры в свете решений XXVII съезда КПСС» и др.

Проблемам и перспективам развития агропромышленного комплекса, реализации Продовольственной программы в ККАССР была посвящена работа третьей секции, где заслушано 11 докладов и выступлений. На четвертой секции было сделано 14 докладов и выступлений, посвященных современным проблемам и перспективам развития производственной и социальной инфраструктуры ККАССР.

Важные вопросы охраны окружающей природной среды и решения социальных проблем в ККАССР были подняты на заседании пятой секции, участники которой заслушали 8 докладов и выступлений. Особый интерес представили доклады ст. н. с. САНИИРИ А. А. Юрица «Научно обоснованное освоение дельты Амударьи как мера уменьшения отрицательных последствий опустынивания Южного Приаралья», ст. н. с. Института геологии и геофизики АН УзССР И. В. Рубанова, ст. н. с. Института почвоведения АН УзССР В. Г. Попова — «Проблема борьбы с засолением почв в низовьях Амударьи».

Проблемы развития идеологических учреждений Каракалпакнии: учреждений культуры, полиграфии и киноиздательства, радиовещания и телевидения, науки, профтехобразования и средней школы — были обсуждены на заседаниях шестой секции, где сделано 7 докладов и выступлений.

В тот же день на втором пленарном заседании сессии были обсуждены и одобрены итоги ее работы и приняты соответствующие рекомендации. В заключительном слове Президент АН УзССР, чл.-кор. АН СССР П. К. Хабибуллаев, выразив уверенность в реализации предложенных мер по ускорению экономического и социального развития Каракалпакнии, сообщил, что к концу нынешней пятилетки намерено созвать новую выездную сессию АН УзССР, на которой участникам нынешней сессии предстоит отчитаться о том, как они выполнили принятые сейчас рекомендации и свои обещания.

13 декабря 1986 г. группа участников сессии, включая членов Президиума АН УзССР, осуществила облет на самолетах дельты Амударьи и обсохшего побережья, а также мелководья южной части Арала, побывала в г. Муйнак, где ознакомилась с работой рыбоконсервного комбината, посетила район бывших морских причалов. Другая группа ученых ознакомилась с работой ряда колхозов и совхозов Нукусского района, отдельных предприятий и учреждений столицы ККАССР.

Личное ознакомление с конкретным положением дел на местах еще раз убедило участников сессии в актуальности проведения ее и насущной необходимости осуществления комплекса неотложных мер, обсуждавшихся на выездной сессии АН УзССР.

Э. Л. Золотарев

НОВАЯ ВЫСТАВКА В МУЗЕЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА

Важнейшая задача современной эпохи — борьба за предотвращение ядерной катастрофы, за прочный мир на Земле. Только в условиях мира на планете могут претворяться в жизнь чаяния и надежды всех народов на лучшее будущее. В борьбу за мир, за светлые идеалы человечества, в авангарде которой идут страны социалистического содружества во главе с СССР, все активнее включаются миллионные массы людей на всех континентах.

Об этом наглядно свидетельствует и выставка, организованная недавно в Музее истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека АН УзССР. Тема выставки — «Прогрессивное человечество — за мир, демократию, национальную независимость и социальный прогресс». В экспозиции ее — многочисленные уникальные экспонаты: плакаты, фотографии, книги, журналы, бюллетени, газеты, присланные из разных стран мира.

Первостепенное внимание на выставке уделено документам, рассказывающим о борьбе народов за мир, против угрозы ядерной войны. Особое место занимает

Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. Среди экспонатов этого раздела — плакаты: «Призыв Хиросимы», присланный японским Музеем Мира в Токио, «Защитите будущее человечества» (издан в ФРГ), «За мир» (Португалия), листовки: «Если случится ядерная война — вы не спасетесь!» (Австрия), «Обвинительный акт против Рейгана» (Великобритания); брошюры: «Рейгановские звездные войны» (США), «Угроза ядерной войны на Корейском полуострове» (КНДР) и др. Тысячи жителей американского города-побратима Сиэтла поставили свои подписи под Обращением к жителям Ташкента с призывом бороться против ядерной катастрофы. Текст этого Обращения также представлен в экспозиции.

Большой интерес посетителей вызывают плакаты: «Молодежь Афганистана отстаивает завоевания Апрельской революции» (ДРА), «За законные права арабского народа Палестины» (ГДР), «За демократию» (Кипр), «Мы хотим работы» (Великобритания), «Остановите израильский террор в Южном Ливане!» (Австрия), газеты и журналы, изданные коммунистами Израиля, Иордании и др.

Экспонированы и материалы, рассказывающие о борьбе за свободу народов Латинской Америки. Это — плакат с портретом Эрнесто Че-Гевара де ла Серна, одного из руководителей Кубинской революции, зверски убитого в 1967 г. в Боливии; плакат «За солидарность с уругвайскими детьми» (ЮНЕСКО), газета «Дезде Уругвай» (орган ЦК КП Уругвая), издания в подполье; газета «Аделанте» (орган ЦК КП Парагвая), также выпускаемая в подполье. Неизменный интерес посетителей привлекает одна из парагвайских газет от 2 февраля 1984 г., в которой напечатано сообщение об акции солидарности Музея международного коммунистического и рабочего движения в Ташкенте в защиту Первого секретаря ЦК КП Парагвая Антонио Майдана, находящегося в фашистских застенках. Среди экспонатов мы видим также информационный бюллетень гватемальских партизан № 32 от 24 мая 1984 г., информационный бюллетень № 5 за 1986 г. Компартии Гайаны, листовки солидарности с трудящимися Сальвадора, Никарагуа и др.

Экспозиция выставки отражает и борьбу южноафриканского народа против режима апартеида. Это плакаты, листовки, газеты, открытки, выпущенные Африканским Национальным Конгрессом (АНК). Среди них плакаты: «Свободу южноафриканским политическим заключенным», «Нет апартеиду», «Вперед к свободе», «Женщины, объединяйтесь», «Единство в действии» и др. На одной из открыток — фотография национального героя народа ЮАР Нельсона Манделы, многие годы томившегося в юаровских застенках. Эмоционален плакат «Свободу южноафриканским заключенным», изданный в Швеции.

Многие экспонаты присланы из Великобритании. Они рассказывали английским рабочим правду о Советской России. Уникальные снимки из фотоальбома, переданного в свое время секретарем ЦК КП(б) Уз В. И. Ивановым представителю Компартии Великобритании в Коминтерне, гостю I съезда КП(б) Уз Эрнсту Брауну, приезжавшему вместе с М. И. Калининым в 1925 г. для участия в I Всеузбекском съезде Советов и I съезде КП(б) Узбекистана. Эти фотографии, не сохранившиеся в нашей республике, присланы вдовой Эрнста Брауна, видной деятельницей международного коммунистического движения Изабеллой Браун.

Выставку уже посетили многие жители Ташкента и гости столицы Узбекистана.

По экспозиции выставки сотрудники Музея проводят экскурсии, лекции и другие идейно-вопитательные мероприятия, проникнутые духом интернационализма и солидарности с борьбой народов за мир, подлинную национальную независимость, демократию и социальный прогресс.

Л. Г. Левтева, Е. Т. Цой

К 70-ЛЕТИЮ Г. А. АХМЕДОВА

Исполнилось 70 лет со дня рождения доктора юридических наук Гуляма Ахмедовича Ахмедова.

Г. А. Ахмедов родился 11 августа 1916 г. в г. Туркестане в семье кустаря-одиночки. Окончив юридический вуз, он с 1941 по 1959 г. работал на различных должностях в правоохранительных органах, военных трибуналах действующих армий, войск МВД, а затем в аппарате МВД УзССР.

Научная деятельность Г. А. Ахмедова началась в 1959 г., когда он стал ст. научным сотрудником созданного тогда в системе АН УзССР Института философии и права. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Новый Уголовный кодекс Узбекской ССР — важный этап в развитии и совершенствовании уголовного законодательства».

С 1965 г. Г. А. Ахмедов заведовал сектором уголовного права и криминологии. В 1973 г. он защитил в Москве докторскую диссертацию «Компетенция союзной республики в области уголовного законодательства (Проблемы совершенствования и соотношения Основ уголовного законодательства и УК союзных республик)».

Г. А. Ахмедов — автор более 40 работ, в числе которых — «Общественность в борьбе за социалистический правопорядок», «Компетенция союзной республики в области уголовного законодательства», «Человек и закон», «В. И. Ленин об укреплении законности и совершенствовании законодательства» и др. Он был также редактором ряда учебников и учебных пособий на узбекском языке, узбекского текста Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов УзССР 1959 г., участвовал в подготовке, написании и редактировании статей Узбекской Советской Энциклопедии, внес свой вклад в разработку узбекской юридической терминологии, участвует в подготовке нового и совершенствовании действующего законодательства УзССР.

Г. А. Ахмедов неизменно содействует подготовке высококвалифицированных кадров юристов для Узбекистана и других республик Средней Азии. В руководимом им секторе подготовлено более 25 кандидатов и докторов наук, а под его непосредственным научным руководством — 8 кандидатов наук.

В течение ряда лет Г. А. Ахмедов вел преподавательскую работу на юридическом факультете СамГУ им. А. Навои и ТГПИ им. Низами.

Г. А. Ахмедов принимает также постоянное участие в работе юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина, ТВШ МВД СССР в качестве консультанта, председателя ГЭК. Он неоднократно выступал на научных форумах юристов.

Член КПСС с 1945 г. Г. А. Ахмедов ведет активную общественную работу. Многие годы он был членом партбюро Института, председателем товарищеского суда, руководителем народного университета правовых знаний. Он — член Ученого совета Института; заместитель председателя специализированного Ученого совета Института, член Специализированного совета при юридическом факультете ТашГУ, член научно-консультативного Совета Верховного Суда УзССР, зам. председателя Методического совета комиссии по делам несовершеннолетних при Совете Министров УзССР, член научно-методического Совета секции государства и права Республиканского общества «Знание», внештатный лектор Ташкентского ГК и ЦК КПУЗ.

Участник Великой Отечественной войны Г. А. Ахмедов награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями.

Поздравляя Гуляма Ахмедовича Ахмедова с 70-летием со дня рождения, научная общественность желает ему доброго здоровья и дальнейших успехов в научной и общественной деятельности.

Группа товарищей

К 75-ЛЕТИЮ К. К. КАМИЛОВА

Исполнилось 75 лет одному из старейших юристов республики, зав. сектором государственного права и советского строительства Института философии и права им. И. М. Муминова, кандидата юридических наук Кабира Камиловича Камилова.

К. К. Камилов родился 19 ноября 1911 г. в Ташкенте. В 1939 г. окончил Ташкентский юридический институт. Затем работал в правоохранительных органах республики. Был народным комиссаром (затем министром) юстиции УзССР (1944—1947 гг.), председателем Верховного суда УзССР (1947—1960 гг.), а с 1951 г. работает в системе Академии наук УзССР.

В 1958 г. К. К. Камилов защитил кандидатскую диссертацию «Борьба сельских Советов Узбекистана за подъем хлопководства в годы пятой пятилетки».

По результатам исследований К. К. Камиловым опубликовано более 230 названий работ, в том числе 15 монографий, 32 научно-популярные брошюры и т. д. («Участие народных масс в управлении Советским государством», «Советское государство и общественные организации», «В. И. Ленин о Советах», «Повышение ро-

ли Советов и совершенствование их взаимодействия с общественными организациями» и др.). Общий объем их превышает 200 печ. л. Многие из выдвинутых и обоснованных в его исследованиях рекомендаций внедрены в практику работы Советов народных депутатов.

К. К. Камиллов в течение многих лет принимает непосредственное участие в подготовке проектов различных законов и положений о Советах народных депутатов УзССР; он внес большой вклад в составление комплексных планов экономического и социального развития территорий многих местных Советов республики, планов социально-экономического развития Ташкента, Алмалыка и др.

К. К. Камиллов уделяет много внимания и подготовке высококвалифицированных научных кадров. Под его руководством защищено 6 кандидатских диссертаций.

Сочетая научную работу с педагогической деятельностью, К. К. Камиллов более 25 лет читает лекции по советскому строительству на курсах повышения квалификации советских работников.

К. К. Камиллов принимает активное участие в общественной жизни. На протяжении 15 лет он возглавлял партийные организации научных учреждений АН УзССР. Ныне он является членом партбюро Института, а также ректором народного университета правовых знаний.

За заслуги в области социалистического строительства и развития науки К. К. Камиллов награжден

двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и медалями. Он избирался кандидатом в члены ЦК КПУз, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР второго созыва, депутатом Ташкентского городского Совета.

Поздравляя Кабира Камилловича с 75-летним юбилеем, научная общественность желает ему долгих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих свершений.

Группа товарищей

МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ ПИКУЛИН (1905—1987)

12 января 1987 г. ушел из жизни известный историк-востоковед, доктор исторических наук, профессор Михаил Григорьевич Пикулин.

М. Г. Пикулин родился 29 сентября 1905 г. в г. Острогжске Воронежской губернии. Свою трудовую деятельность начал в 1920 г. 16-летним юношей он по путевке комсомола вступил в ряды Красной Армии и в составе 10-й стрелковой дивизии был направлен на Туркестанский фронт для борьбы с басмачеством. Затем находился на партийной работе. С 1933 г., после окончания ирано-афганского отделения Ленинградского восточного Института, занимал различные ответственные должности по линии Наркомвнешторга СССР в Иране, Афганистане, Китае, был участником Великой Отечественной войны.

Еще будучи в рядах Советской Армии, М. Г. Пикулин защитил в 1949 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему «Афганистан. Экономический очерк».

С 1952 г. подполковник в отставке М. Г. Пикулин работал в Институте востоковедения АН УзССР, где прошел путь от ст. научного сотрудника до зам. директора по научной части. Здесь было написано большинство его работ, общее число которых превышает 200 наименований. Видное место среди них занимают монографические исследования, посвященные Афганистану: «Афганистан. Экономический очерк», «Развитие экономики и культуры Афганистана в 60-е годы», «Очерки по аграрному вопросу в Афганистане», «Промышленность и рабочий класс Афганистана» и др. Ряд трудов посвящен изучению этногенеза, истории и современного положения отдельных малых народов (белуджи, брагуи и др.). В 1961 г. М. Г. Пикулин защитил докторскую диссертацию «Белуджи». В 1963 г. был утвержден в звании профессора.

Большая работа проделана М. Г. Пикулиным по подготовке высококвалифицированных специалистов-востоковедов. Под его руководством защищено 16 кандидатских и докторских диссертаций. В течение длительного времени М. Г. Пикулин вел преподавательскую работу на восточном факультете САГУ (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина).

Наряду с научно-педагогической деятельностью важное место в работе М. Г. Пикулина занимала пропаганда достижений советской востоковедческой науки. Член КПСС с 1924 г. М. Г. Пикулин вел активную общественную работу. Он был одним из организаторов Республиканского общества «Знание», возглавлял бюро секции международных связей, был членом правления УзОДКС и т. д.

М. Г. Пикулин был награжден многими боевыми и трудовыми медалями, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета УзССР. Его имя занесено в Почетную книгу Всесоюзного общества «Знание», он удостоен высшей награды Общества — медали им. акад. С. И. Вавилова.

Светлый образ Михаила Григорьевича Пикулина надолго сохранится в памяти всех, кто знал его и работал с ним рядом.

*Э. Ю. Юсупов, Г. А. Пугаченкова, М. М. Хайруллаев,
П. Г. Булгаков, У. И. Каримов, С. А. Азимджанова,
М. А. Бабаходжаев, Б. В. Лукин, Ю. А. Пономарев,
Т. Г. Абаева, Р. М. Бахадиров, Б. С. Маннанов,
Э. М. Махмудов, Р. Т. Рашидов и др.*

ВЫДЕРЖКИ ИЗ «ТИПОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ О ПОРЯДКЕ ПРОХОЖДЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА»¹

«Типовое положение о порядке прохождения материалов в редакции журнала» имеет своей целью совершенствование контроля и повышение ответственности за качество подготовки публикуемых материалов в журнале и распространяется на все журналы независимо от их ведомственной подчиненности. Оно подготовлено с учетом «Типового положения о журнале» и норм авторского права.

Материалы, представленные в редакцию по инициативе автора, рассматриваются в сроки и порядке, установленном в соответствии с «Типовым положением о журнале».

Редакция в месячный срок со дня поступления оценивает соответствие содержания материала, поступившего с целью публикации, профилю и тематике журнала, приемлемость подлинников текста и иллюстраций для редактирования и полиграфического воспроизведения (для их оценки могут привлекаться соответствующие службы выпускающей организации).

Если полученные материалы некомплектны или нарушены требования по их оформлению, редакция может вернуть материалы автору с указанием причин возврата. Если представленный материал в течение указанного срока не возвращен автору, он считается представленным в надлежащем виде.

Решение о целесообразности публикации материалов, удовлетворяющих требованиям по оформлению, должно быть принято редакцией (редколлегией) в возможно короткий срок, но не более трех месяцев со дня поступления материалов в редакцию, и отражено в документации редакции (в протоколе заседания редколлегии). Ответственность перед вышестоящими органами за соблюдение сроков рассмотрения несут главный редактор, его заместители и ответственный секретарь.

Редакция может принять решение о целесообразности публикации материала, не направляя его на рецензирование, если качество представленного произведения дает достаточно оснований для такой оценки. Автору сообщается (в письменной форме) о принятом решении, в случае отказа в опубликовании — с мотивированным обоснованием причин отклонения.

При рассмотрении вопроса о целесообразности публикации должны быть оценены идейно-политический, научный, художественный уровень материала, актуальность освещаемых вопросов, новизна и информативность произведения, соответствие его объема выбранной теме, а также необходимость публикации в полном объеме или целесообразность депонирования.

Выводы предварительной оценки могут содержать одно из следующих решений:

- принять материалы к опубликованию;
- вернуть материалы автору для устранения отмеченных недостатков;
- направить материалы на рецензию отдельным специалистам или коллективам;
- направить материалы на редактирование с последующим рассмотрением на редколлегии;
- передать на депонирование;
- признать материалы непригодными для опубликования и сообщить об этом автору.

Редакция должна учитывать мнение автора о нежелательности оценки представленных им материалов конкретными лицами и организациями. Редакция имеет право не сообщать сведения об авторе при рецензировании материалов нештатными специалистами.

Материалы дискуссионного характера, содержание которых требует более глубокого и всестороннего обсуждения, чем установленный порядок рассмотрения, ре-

¹ Печатается по указанию Госкомиздата СССР.

дакция может рекомендовать для оценки на расширенных заседаниях редакционной коллегии с привлечением автора и соответствующих специалистов.

Предварительная оценка материалов, представляемых на утверждение редколлегии, сопровождается мнением заместителя главного редактора, ответственного секретаря или другого члена редакционной коллегии, оформляемые в порядке, утвержденном главным редактором.

Привлечение штатного специалиста к рецензированию материалов не освобождает редакцию от необходимости дать собственную оценку этим материалам.

Подбор рецензентов осуществляет редактор отдела по согласованию с заместителем главного редактора. Состав рецензентов утверждается редакционной коллегией или по ее поручению главным редактором.

Срок рецензирования (не более двух месяцев) устанавливается редакцией по согласованию с рецензентом.

Результаты рецензирования сообщаются автору письмом, излагающим суть замечаний, либо с приложением копии рецензии. Редакция сообщает сведения о рецензенте только с его согласия.

Исправленные автором по замечаниям редакции и рецензента материалы редакция обязана рассмотреть не позднее, чем в двухмесячный срок со дня их повторного поступления, и представить на рассмотрение редколлегии для принятия окончательного решения.

МУНДАРИЖА

Редакциядан	5
И. И. Искандеров. Ишлаб чиқариш муносабатларининг ишлаб чиқариш кучлари ривожланиши даражасига мувофиқлиги диалектикасига доир.	6
Э. Ю. Юсупов, Б. В. Лунин. Совет тарихий адабиётларида 1898 йилги Андижон қўғолони	18
Т. Умуров. Жамоатчилик тартиби тушунчаси ва уни мустақкамлаш масалалари	32
У. С. Эрбўтаева. Ўзбекистон хотин-қизларининг пахтачиликни механизациялашдаги иштирокига доир баъзи масалалар (1976—1980)	40
Илмий ахборот	
Г. Р. Орипова. Балоғатга етмаган қонубузаларга нисбатан чиқарилган ҳукм ижроси кейинги сурилишининг уларни қайта тарбиялашдаги роли.	46
Д. К. Бекаева. Ҳиндистон прогрессив ёзувчилари Ассоциациясининг тузилиши ва фаолияти тарихдан	48
Ю. А. Заднепровский, Б. Х. Матбобоев. Ўзбекистон территориясидаги илк темир даври маданиятининг хронологияси ва даврлаштирилиши масалаларига доир	51
Фан янгиликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар	
Г. Қурбонов, М. Парастепанак. Бухоро музейига янги қабул қилинган қўлёзма	55
Олий ўқув юртлари ўқитувчиларига ёрдам	
С. И. Еқубова, А. М. Қаримова. Ўзбекистон медицина олий ўқув юртлари студентларини этик жиҳатдан тарбиялашда ижтимоий фанлари ўқитишининг роли	56
Танқид ва тақриз	
Қ. З. Ашрафян, Р. Г. Муқминова. XV—XVI асрларда Ўзбекистонда шаҳар аҳолисининг социал табақаланиши	59
Янги китоблар	
В. М. Биков, В. Н. Григорьев, Г. Абдумажидов. Жинойтни торгов қилиш.	62
Хроника	
Э. В. Золотарев. Қорақалпоғистон АССР ишлаб чиқариш кучларини келажакдаги ривожланиши проблемаларига доир УзФАнинг сайёр сессияси.	63
Л. Г. Левтеева, Е. Т. Цой. Ўзбекистон халқлари тарихи музейида янги кўргазма	65
Ғ. А. Аҳмедов туғилган кунининг 70 йиллигига	66
Қ. Қ. Комилов туғилган кунининг 75 йиллигига	67
<u>[Михаил Григорьевич Пикулин (1905—1987)]</u>	68

Редактор *И. А. Маркман*
Технический редактор *Г. П. Науменко*

Сдано в набор 3.02.87. Подписано к печати 19.07.87. Р17538. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,30. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 1036. Заказ 28. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан»: Ташкент, проспект М. Горького, 79.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
И. И. Искандеров. О диалектике соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил	6
Э. Ю. Юсупов, Б. В. Лукин. Андижанское восстание 1898 года в советской исторической литературе	18
Т. Умуров. Понятие общественного порядка и вопросы его укрепления	32
У. С. Эрбутаева. Некоторые вопросы участия женщин в механизации хлопководства Узбекистана (1976—1980)	40
Научные сообщения	
Г. Р. Арипова. Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетним и ее значение в перевоспитании правонарушителей	46
Д. К. Бекаева. Из истории создания и деятельности Ассоциации прогрессивных писателей Индии	48
Ю. А. Заднепровский, Б. Х. Матбабаев. К вопросу о хронологии и периодизации культуры раннежелезного века на территории Узбекистана	51
Новое в науке: поиски, находки, открытия	
Г. Курбанов, М. Парастепанах. Новые поступления Бухарского музея	55
В помощь преподавателям вузов	
С. И. Якубова, А. М. Каримова. О роли преподавания общественных наук в этническом воспитании студентов медицинских вузов Узбекистана	56
Критика и библиография	
К. З. Ашрафян, Р. Г. Мукминова. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана в XV—XVI вв.	59
Новые книги	
В. М. Быков, В. И. Григорьев, Г. Абдумажидов. Расследование преступлений	62
Хроника	
Э. Л. Золотарев. Выездная сессия АН УзССР по проблемам дальнейшего развития производительных сил Каракалпакской АССР	63
Т. Г. Левтеева, Е. Т. Цой. Новая выставка в Музее истории народов Узбекистана	65
К 70-летию Г. А. Ахмедова	66
К 75-летию К. К. Камилова	67
<u>Михаил Григорьевич Пикуллин (1905—1987)</u>	68

НАШИ АВТОРЫ

- Искандеров И. И.** — академик АН УзССР, академик-секретарь Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР.
- Юсупов Э. Ю.** — академик АН УзССР, вице-президент АН УзССР.
- Лунии Б. В.** — доктор исторических наук, зав. отделом историографии Института истории АН УзССР.
- Ашрафян К. З.** — доктор исторических наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.
- Заднепровский Ю. А.** — доктор исторических наук, ст. научный сотрудник ЛО ИА АН СССР.
- Бекаева Д. К.** — кандидат филологических наук, мл. научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Каримова А. М.** — кандидат философских наук, доцент кафедры марксистско-ленинской философии АндГосМИ им. М. И. Калинина.
- Матбабаев Б. Х.** — кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института археологии АН УзССР.
- Умунов Т.** — кандидат юридических наук, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин СамГУ им. А. Навои.
- Курбанов Г.** — сотрудник Бухарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.
- Парастепанов М.** — сотрудник Бухарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.
- Эрбутаева У. С.** — преподаватель кафедры истории КПСС и политэкономии Янгнерского филиала ТИИИМСХ.
- Якубова С. И.** — ст. преподаватель АндГосМИ им. М. И. Калинина.
- Арипова Г. Р.** — стажер-исследователь кафедры уголовного процесса юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.

Цена 65 к.

Индекс
75349